С. И. ВАХРИН

ПОТОМКИ КНЯЖНЫ - КАМЧАДАЛКИ

Часть первая

СВАДЬБА В ЛЕДЯНОМ ДОМЕ

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович
В22
ПОТОМКИ КНЯЖНЫ - КАМЧАДАЛКИ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВАДЬБА В ЛЕДЯНОМ ДОМЕ — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 156 с.

ISBN 978-5-4386-1358-9

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

ГЕДИМИНОВИЧИ
И ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

История, которую хотим мы рассказать, началась за несколько столетий до того, как встретились при дворе императрицы Анны Иоанновны два придворных шута — Квасник (в прошлом князь Михаил Алексеевич Голицын) и камчадалка Авдотья Буженинова (в будущем княгиня Евдокия Ивановна Голицына).

Голицыны были русскими потомками великого литовского князя Гедимина, который, подобно великому московскому князю Ивану Калите, начал собирать западные русские земли в Великое княжество Литовское.

Это было огромное восточно-европейское русское государство, существовавшее с XIII века по 1795 год и простиравшее свои владения «от моря до моря» — от прибалтийских земель до черноморского побережья, и географически располагавшееся на территории современной Белоруссии и Литвы, а также части Украины, Молдавии, Польши, Латвии, Эстонии и западных районов России, охватывая в период расцвета общую площадь в 930 тысяч квадратных километров. Первая столица княжества — Новогрудка (Малый Новгород). С 1323 года столица княжества — Вильна (Вильнюс). Официальное название: «*Великое князство Литовское, Руское, Жомойтское и иных [земель]*».

Основная территория Литовского княжества в начале XIII в.

Западная граница русских княжеств и земель в начале XIII в.

Территории Руси, присоединенные к Литовскому княжеству

при Миндовге до 1263 г.

при Витене (1293—1316) и Гедимине (1316—1341)

при Ольгерде (1345—1377)

при Витовте (1392—1430)

Масштаб 1:8 500 000

Территория Верховских княжеств, периодически находившихся в зависимости от Литовского княжества

Территории, бывшие в XIV в. спорными между Литвой и Польшей

Границы территорий, присоединенных к Литовскому княжеству в XIII—XV вв.

1410 Битва при Грюнвальде

Границы в 1465 г.

Великого княжества Литовского

русских княжеств и других государств

Практически с первых же дней существования этого княжества в нем начались религиозные войны. Еще до Гедимина, в 1251 году великий князь Миндовг принял католичество и был коронован с согласия папы римского Иннокентия IV королем Литвы, признавшего таким образом Литву в качестве полноправного европейского государства.

Князь Даниил Галицкий был женат на сестре Миндовга, чем объясняется православное влияние Руси на Литву, и уже сын Миндовга Войшелк принял православие и отказался от королевского титула. В результате 7 августа 1255 года папа римский Александр IV объявил в Польше, Чехии и Австрии крестовый поход против Литвы.

В 1263 году Миндовг был убит заговорщиками и в результате борьбы за великокняжеский престол к власти пришел Войшелк, основавший в 1265 году монастырь для распространения православия в Литве.

В 1316 году великим князем Литовским стал Гедимин, который соединил под своей властью силы всего государства, остановил движение крестоносцев, закрепил за Литвой западнорусские земли и начал экспансию в южнорусские, ослабленные монгольскими разорениями, земли. Была учреждена Литовская митрополия с центром в Новогрудке, включавшая епископства Полоцка и Турова. В 1332 году впервые в истории Руси в Новгород был приглашён литовский князь Наримунт, сын Гедимина.

Гедимин установил династические связи с ведущими монархическими домами Восточной Европы: его дочери были замужем за польским королём Казимиром III, галицким князем Юрием II Болеславом, тверским князем Дмитрием Грозные Очи и московским князем Семёном Гордым. С Московским княжеством

Великий князь Литовский Гедимин

у Гедимина был мир; с Польшей он имел напряженные отношения, иногда выливавшиеся в военные походы, не прекращалась вражда с германскими городскими общинами и папой римским. Также известно, что Гедимин пользовался золотоордынскими отрядами против крестоносцев Тевтонского и Ливонских орденов.

В великом княжестве Литовском не существовало твердого механизма законной передачи престола, поэтому после смерти Гедимина началась борьба за власть между его сыновьями, и часть потомков Гедимина вынуждена была покинуть страну: в течение пяти лет после смерти Гедимина (1341—1345) государство стояло перед опасностью распада на самостоятельные земли. Оно разделилось на 8 частей,

Гедимин

Великий князь Литовский Гедимин на памятнике 1000-летия Российского государства

находившихся в управлении брата Гедимина Война и семи сыновей Гедимина: Монвида, Наримунта, Кориата, Ольгерда, Кейстута, Любарта и Евнутия. Этим хотели воспользоваться крестоносцы, заключившие в 1343 году союз с Польшей и готовившиеся к походу на Литву.

По соглашению между Ольгердом и Кейстутом (1345) Евнутий был изгнан из Вильны. Братья заключили договор, по которому все они должны повиноваться Ольгерду как великому князю. Кейстут управлял северо-западной частью княжества и вёл борьбу с Орденом. Действия Ольгерда были сосредоточены в восточном и юго-восточном направлении. При Ольгерде (правил в 1345–1377) княжество фактически стало доминирующей державой в регионе. На юге владения Ольгерда расширились присоединением Брянского княжества (1355). Особенно позиции государства укрепились после того, как в 1362 году Ольгерд разбил татар в битве при Синих водах и присоединил к своим владениям Подольскую землю. Вслед за тем Ольгерд сместил княжившего в Киеве князя Фёдора, подчинённого Золотой Орде, и отдал Киев своему сыну Владимиру.

Земли княжества при Ольгерде простирались от Балтики до Причерноморских степей, восточная граница проходила примерно по нынешней границе Смоленской и Московской, Орловской и Липецкой, Курской и Воронежской областей. Во время его правления в состав государства входили современная Литва, вся территория современной Белоруссии, Смоленская область, часть Украины. Для всех жителей Западной Руси Литва стала естественным центром сопротивления традиционным противникам — Золотой Орде и Тевтонскому ордену.

Гедимин входит в Киев

Особое место в политике Ольгерда занимала борьба с Московским княжеством, которое стремилось к господству в Северо-Восточной Руси, в том числе помогая Кашинскому княжеству добиться независимости от Тверского княжества. В 1368 и 1370 годах Ольгерд дважды безрезультатно осаждал Москву, вынужденный отвлекаться на борьбу с крестоносцами. В 1371 году на стороне тверского князя выступил и добившийся лидерства в Золотой Орде Мамай, примерно в то же время возобновились выплаты дани в Орду с южнорусских земель, подчинённых Литве. В 1372 году Ольгерд заключил мир с Дмитрием Московским, но в последние годы своего правления Ольгерд утратил контроль над восточными землями княжества, прежде всего Брянском и Смоленском, склонившимися к союзу с Москвой, в том числе и против Орды.

После смерти Ольгерда (1377) старшим в роду оставался Кейстут, но, согласно желанию Ольгерда, он признал старшинство одного из двенадцати сыновей Ольгерда и своего племянника Ягайло. Последнего не признали его братья: Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский отъехали в Москву и вместе с Дмитрием Боброком участвовали в Куликовской битве против Мамая (1380). Вскоре Кейстут, узнав о сношениях племянника с Орденом, с целью утверждения своего единовластия, в 1381 году сверг его с престола. В следующем году Ягайло смог захватить Кейстута и уморил его в тюрьме. Во время этой борьбы Ягайло уступил ордену Жмудскую землю (1382). В 1384 году Ягайло, Скиргайло и Корибут заключили договор с Дмитрием Московским о династическом браке Ягайла и дочери Дмитрия, а также крещении Литвы по православному обряду. Но в том же году сын Кейстута Витовт бежал из тюрьмы к немцам и с ними начал наступление на Литву. Ягайло поспешил помириться с Витовтом, дал ему в удел Гродно и Троки, а Ордену пообещал в течение четырёх лет принять католичество.

В 1385 году великий князь Ягайло заключил союз (Кревскую унию) с Польским королевством — принял католичество и новое имя Владислава, женился на наследнице польского престола Ядвиге и стал королём Польши, оставшись великим князем литовским. Это усилило позиции обоих государств в противостоянии с Тевтонским орденом. В 1387 году Владислав Ягайло официально крестил Литву. Владислав-Ягайло передал великокняжеский престол своему брату Скиргайло, признавшему верховную власть польского короля. Католическое крещение Литвы повлекло усиление польского и католического влияния. Литовским и русским боярам, принявшим католичество, была дана

Великий князь Литовский Кейстут

привилегия владеть землей без ограничения со стороны князей (шляхетское достоинство по польскому образцу). Имения их освобождались от повинностей, за исключением постройки городов всей землёй. Для католиков вводились польские кастелянские суды. Эти порядки вызвали неудовольствие среди русско-литовской знати, во главе которой встал двоюродный брат Владислава-Ягайло Витовт.

Он вёл долгую борьбу за престол, привлекая на свою сторону антипольски настроенных князей и бояр Великого княжества Литовского и ища союзников и в крестоносцах, и в великом князе московском Василии Дмитриевиче, за которого он отдал в 1390 году свою единственную дочь Софью Витовтовну, которая стала матерью великого князя Московского Василия II Васильевича Темного.

Витовт добился того, что в 1392 г. было подписано Островское соглашение, согласно которому он стал великим князем литовским, а Великому княжеству Литовскому гарантировалась самостоятельность в союзе с Польшей.

Укрепив свою власть, Витовт попытался реализовать планы Ольгерда на востоке. Вместе с ордынским ханом — изгнанником Тахтамышем, он планировал вокняжиться на московском княжении, на Новгороде Великом, Пскове. Тахтамышу же был обещано вернуть все его владения в Орде. Однако эти планы были похоронены на р. Ворскле 12 августа 1399 г, где коалиция Витовт — Тахтамыш потерпела жестокое поражение от войск Золотой Орды. Витовт вынужден был в 1401 г. подписать Виленско-Радомскую унию, которая подтвердила предыдущие соглашения с Польшей. Оба государства должны были совместно действовать против врагов.

Великий князь Литовский Витовт

Великая княгиня Софья Литовская

В 1409 г. началась большая война Великого княжества Литовского и Польши против крестоносцев, центральной битвой которой стала Грюнвальдская, состоявшаяся 15 июля 1410 г. Эта битва изменила европейскую историю средневековья. В ней объединенным польско-литовским войском, в котором находились воины со всех белорусских земель, был разбит Тевтонский орден, и на пять столетий прекратилось наступление немцев на славянские земли.

Грюнвальдская битва укрепила государственное сближение Польши и Великого княжества Литовского. В 1413 г. была подписана **Городельская уния**, которая закрепила политическую самостоятельность Великого княжества Литовского, но под властью польского короля. Одновременно уния ставила в дискриминационное положение православную знать по отношению к католической. Она лишала православных феодалов права занимать государственные посты и избирать великого князя.

В последние два десятилетия княжения Витовта его авторитет возрос. Он контролировал события в Москве, ему присягали на верность князья тверские, рязанские, орловские и др. Одновременно Витовт придерживался прозападной, католической ориентации. Он поставил себе целью влиться в семью польских королей и сделать свою державу западноевропейским форпостом в Восточной Европе. Однако интриги польской стороны не позволили этим планам осуществиться. В 1430 г. Витовт умирает, так и не коронованшись.

В течение многих столетий между Русью Литовской и Русью Московской было религиозное противостояние в связи с тем, что в Великом княжестве Литовском утверждалось католичество, вытеснялось и притеснялось православие.

Витовт Великий

«В середине XIII века князь Миндовг (Миндаугас) железной рукой объединил хаотические племенные союзы. Причем, стремясь побороть тевтонов, он то принимал от Римского Папы королевскую корону (Миндовг остался в истории первым и единственным литовским королем), то разворачивался на восток и искал поддержки против крестоносцев у Александра Невского. В результате страна не узнала татарского ига и быстро расширила свою территорию за счет ослабевших западнорусских княжеств (земель нынешней Белоруссии). Столетие спустя у Гедимина и Ольгерда уже была держава, вобравшая в себя Полоцк, Витебск, Минск, Гродно, Брест, Туров, Волынь, Брянск и Чернигов. В 1358 году Ольгердовы послы даже заявили немцам: «Вся Русь должна принадлежать Литве». В подкрепление этих слов и опережая московитов, литовский князь выступил против «самой» Золотой орды: в 1362 разгромил татар при Синих Водах и закрепил за Литвой древний Киев почти на 200 лет. По неслучайному совпадению в то же самое время «собирать» земли мало-помалу стали и московские князья — потомки Ивана Калиты. Так к середине XIV века сложились два центра, претендовавшие на объединение древнерусского «наследства»: Москва и основанный в 1323 году Вильно. Конфликта было не избежать, тем более что в союзе с Литвой выступали главные тактические соперники Москвы — тверские князья, стремились «под руку» Запада и новгородские бояре. Тогда, в 1368 – 1372 годах, Ольгерд в союзе с Тверью совершил три похода на Москву, но силы соперников оказались примерно равны, и дело кончилось договором, разделившим «сферы влияния». Ну, а раз не удалось уничтожить друг друга, пришлось сближаться: некоторые из детей язычника Ольгерда приняли православие. Вот тут-то Дмитрий и предложил еще не определившемуся Ягайло династический союз, которому не суждено было состояться. И не только не стало по слову

княжьему: стало — наоборот. Как известно, Дмитрий не смог противостоять Тохтамышу, и в 1382 году татары пустили Москву «на поток и разграбление». Она вновь сделалась ордынской данницей. союз с несостоявшимся тестем перестал привлекать литовского государя, а вот сближение с Польшей давало ему не только шанс на королевский венец, но и реальную помощь в борьбе с главным противником — Тевтонским орденом. И Ягайло все-таки женился — но не на московской княжне, а на польской королеве Ядвиге. Крестился по католическому обряду. Стал польским королем под христианским именем Владислав.

Король Ягайло

Вместо союза с восточными братьями случилась Кревская уния 1385 года с западными. С того самого времени литовская история прочно переплелась с польской: потомки Ягайло (Ягеллоны) процарствовали в обеих державах три века — с XIV по XVI. Но все же то были два разных государства, сохранявших каждое свое политическое устройство, систему права, валюту и армию. Что до Владислава-Ягайло, то большую часть своего царствования он провел в новых владениях. Старыми же правил его двоюродный брат Витовт и правил ярко. В естественном союзе с поляками он разгромил германцев при Грюнвальде (1410 год), присоединил Смоленскую землю (1404 год) и русские княжества в верховьях Оки. Могущественный литовец мог даже сажать своих ставленников на ордынский престол. Огромный «откуп» платили ему Псков и Новгород, а Московский князь Василий I Дмитриевич, как будто вывернув наизнанку планы отца, женился на Витовтовой дочери и стал называть тестя «отцом», то есть, в системе тогдашних феодальных представлений, признал себя его вассалом. На вершине величия и славы Витовту не хватало только королевской короны, о чем он и заявил на съезде монархов Центральной и Восточной Европы в 1429 году в Луцке в присутствии императора Священной Римской империи Сигизмунда I, польского короля Ягайло, тверского и рязанского князей, молдавского господаря, посольств Дании, Византии и Папы Римского. Осенью 1430 года на коронацию в Вильно собрались Московский князь Василий II, митрополит Фотий, тверской, рязанский, одоевский и мазовецкий князья, молдавский господарь, ливонский магистр, послы византийского императора. Но поляки отказались пропустить посольство, которое везло Витовту королевские регалии из Рима (в литовской «Хронике Быховца» даже сказано, что корону отняли у послов и разрубили на части). В результате Витовт вынужден был отложить коронацию, а в октябре того же года внезапно заболел и умер. Не исключено, что литовского великого князя отравили, поскольку

за несколько дней до своей смерти он отлично себя чувствовал и даже выезжал на охоту. При Витовте земли Великого княжества Литовского протянулись от Балтийского моря до Черного, а восточная его граница прошла под Вязьмой и Калугой… В тех случаях, когда в состав Литвы входили высокоразвитые территории, великие князья сохраняли их автономию, руководствуясь принципом: «Старины не рушаем, новины не вводим». Так, лояльные владетели из древа Рюриковичей (князья Друцкие, Воротынские, Одоевские) долгое время сохраняли свои владения полностью. Такие земли получали грамоты-«привелеи». Их жители могли, например, требовать смены наместника, а государь обязывался не совершать в отношении них определенных действий: не «вступать» в права православной церкви, не переселять местных бояр, не раздавать феодов выходцам из других мест, не «посуживать» принятых местными судами решений. До XVI века на славянских землях Великого княжества действовали правовые нормы, восходившие к «Русской Правде» — древнейшему своду законов, данному еще Ярославом Мудрым. Полиэтнический состав державы тогда отражался даже в ее названии — «Великое княжество Литовское и Русское», да и официальным языком княжества считался русский... но — не московский язык (скорее, старобелорусский или староукраинский — большой разницы между ними до начала XVII века не прослеживается). На нем составлялись законы и акты государственной канцелярии. Источники XV – XVI столетий свидетельствуют: восточные славяне в границах Польши и Литвы считали себя «русским» народом, «русскими» или «русинами», при этом, повторимся, никак не отождествляя себя с «московитами» (отрывок из статьи Игоря Курукина «Великая Литва или «альтернативная» Русь?», журнал «Вокруг Света» N1 за 2007 г.)

При этом наиболее преданные православию князья Великого княжества Литовского искали спасения в Московии и становились ее верными вассалами…

РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ

ПОТОМСТВА ГЕДИМИНА

(до Князя Михаила Ивановича—Гольицы)

КОЛѢНО I.

№ отдѣлій.

1. Гедиминъ (въ „Бархатной книгѣ“—Едманъ, сынъ Вита, внукъ перваго Князя Литовскаго въ Вильнѣ, Данiила), Великій Князь Литовскій (1315), язычникъ, † 1340; жен. 1) на N N; 2) на христіанкѣ Ольгѣ; 3) на христіанкѣ Еввѣ (одна изъ послѣднихъ двухъ женъ была княжною Владимірскою, матерью Любарта).

КОЛѢНО II.

2. Князь Монтвилъ Гединовичъ, Князь Керновскій и Слонимскій 1
3. Князь Наримундъ Гединовичъ, въ православіи—*Глѣбъ* (у Стрыйковскаго—*Василій*), Князь Пинскій и Мозырскій, потомъ Князь Ладожскій, Орѣховецкій и Корельскій, р. 1277, † (утонулъ) 1348. 1
4. Князь Ольгердъ („радость Ольги“) Гединовичъ, сперва язычникъ, потомъ, при православномъ крещеніи—*Александръ*, послѣ 1340 г., обратившійся опять въ язычество, а на смертномъ одрѣ принявшій снова православіе, монашество и схиму, съ именемъ *Алексѣя;* сперва Князь Кривскій и Витебскій, потомъ В. Князь Литовскій; род. 1296, † 1377 и схороненъ въ Вильнѣ, въ Соборѣ Рожд. Пресв. Богородицы. Жен. 1) на княжнѣ Маріи Ярославовнѣ Витебской, † около 1349, схороненой въ Пятницкой церкви (св. Параскевы), въ Вильнѣ; 2) на княжнѣ Германіи или Іуліаніи Александровнѣ Тверской (мать Ягайлы), во инокиняхъ *Маринѣ*, † 1392 и схороненной въ Кіевѣ, въ пещерахъ. 1

5. Князь Кейстутъ Гедиминовичъ, язычникъ, Князь Самогитскій, Жмудскій и Троскій, потомъ В. Князь Литовскій, род. ок. 1300, † 1381 (останки его сожжены по языческому обряду); жен. 1) на христіанкѣ N N (матери В. Кн. Витовта); 2) на Бирутѣ, дочери литовскаго жреца и бывшей сама жрицею капища Праурмы, † между 1381 и 1416 г, въ Полàгу (Полангенѣ), оставаясь въ язычествѣ (по наущеніямъ и происканъ католическаго духовенства, мѣстные Жмудяки—простолюдины долго поклонялись ей, подъ именемъ „Святой Бируты“). 1

6. Князь Коріятъ Гедиминовичъ, во св. крещеніи *Михаилъ*, род. 1301 † 1357, Князь Волковисскій и Новогрудскій, родоначальникъ православныхъ Князей Коріатовичей-Курцевичей, владѣльцевъ Подоліи, имѣвшихъ послѣдняго представителя еще въ 1842 году *). 1

7. Князь Любартъ Гедиминовичъ, язычникъ, въ православіи—*Θеодоръ*, Князь Волынскій и Луцкій, † 1386; жен. 1) на дочери Князя Андрея Юрьевича Владиміръ-Волынскаго († 1334), княжнѣ Аннѣ Андреевнѣ, по прозвищу „Буча“ (православной); 2) на княжнѣ Агафьѣ Константиновнѣ Ростовской; родоначальникъ Князей: Сангушко-Ковельскихъ (нынѣ существующихъ), Князей Сангушекъ, старшей линіи, угасшей въ концѣ XVI вѣка, Сангушекъ-Коширскихъ, угасшихъ въ XVII вѣкѣ и Корбинскихъ. 1

8. Князь Явнутъ (Евнутъ) Гедиминовичъ, язычникъ, К. Князь Литовскій, потомъ Князь Заславскій (Минской губ.), р. 1306 † 1366; жен. на княжнѣ N N Полоцкой или Витебской, родоначальникъ Князей Ижеславскихъ т. е. Мстиславскихъ второй вѣтви, угасшихъ въ 1620 году (съ княжною Ириною Θеодоровною † 1620) и Заславскихъ (литовской вѣтви, особой отъ Заславскихъ-Рюриковичей, потомковъ Князя Юрія Васильковича Заславскаго, внука Князя Романа Мстиславовича Галицкаго, † 1205). 1

1. Княжна Альдона Гедиминовна, язычница, въ католичествѣ—*Анна*, за королемъ Польскимъ Казиміромъ Великимъ, р. 1309 † 1370 (бездѣтенъ). 1

2. Княжна Данмила Гедиминовна, въ католичествѣ—*Елисавета*, за герцогомъ Венцеславомъ Мазовецкимъ. 1

3. Княжна N N Гедиминовна, за Княземъ Давидомъ Довмонтовичемъ (сыномъ Князя Довмонта-Тимофея Псковскаго † 1299). 1

4. Княжна Марія—старшая Гедиминовна, католичка, за княземъ мазовецкимъ Болеславомъ Тройденовичемъ (сыномъ Князя Тройдена Литовскаго). 1

5. Княжна Айгуста Гедиминовна, язычница, въ православномъ св. крещеніи—*Анастасія*, † 11 марта 1345 г., въ Москвѣ, въ схимѣ, и схоронена въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, въ Кремлѣ; съ 1333 г. за Вел. Княземъ Московскимъ Симеономъ Ивановичемъ Гордымъ, р. 7 сент. 1317, въ Москвѣ, † 26 апр. 1353, въ Москвѣ, и схороненъ въ Архангельскомъ Соборѣ. 1

---

*) Былъ городничимъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи.

6. Княжна Марія—младшая Гедиминовна, приняла осенью 1326 г. постриженіе и † 1348; съ 1320 г., за Великимъ Княземъ Тверскимъ, Дмитріемъ Михайловичемъ *Грозныя Очи*, род. 15 сент. 1298, въ Твери, убитъ по приказанію хана, „на рѣкѣ Кодраклѣ", 15 сентября 1326, а гдѣ схороненъ—неизвѣстно. 1

7. Княжна N N Гедиминовна, за Княземъ Юріемъ Андреевичемъ Галицкимъ. 1

КОЛѢНО III.

9. Князь Александръ Наримундовичъ, православный, Князь Орѣховецкій, потомъ Князь Подольскій и Пинскій, † ок. 1393 (новѣшенъ на деревѣ и разстрѣлянъ стрѣлами, по приказанію В. Князя Витовта); жен. на N N. 3

10. Князь Юрій Наримундовичъ, православный, Князь Бельзскій и Рожинскій, родоначальникъ угасшихъ Князей Рожинскихъ; жен. на N N. 3

11. Князь Вигундъ (или Вингольдъ)—старшій Ольгердовичъ, Князь Псковскій, Кревскій и Полоцкій, участникъ Куликовской битвы, † 1399 (отравленъ по приказанію В. Князя Витовта, своего двоюроднаго брата), родоначальникъ угасшихъ Князей Полубинскихъ; жен. на N N. 4

12. Князь Корибутъ Ольгердовичъ, язычникъ, въ православіи—*Дмитрій*, В. Князь Трубчевскій, Брацлавскій и Новгородъ-Сѣверскій, род. 1338, убитъ 1399; жен. 1) на княжнѣ Любови (Московской); 2) на княжнѣ Анастасіи Рязанской; родоначальникъ Князей Трубецкихъ и Воронецкихъ и угасшихъ Князей Вишневецкихъ (1743 г), Збаражскихъ (1631 г.) и Порѣцкихъ (угасшихъ въ XVIII вѣкѣ). 4

13. Князь Олелько Ольгердовичъ, въ православномъ св. крещеніи—*Владиміръ*, Князь Кіевскій, потомъ Князь Копыльскій, участникъ Куликовской битвы, род. 1316; родоначальникъ угасшихъ Князей Кіевскихъ (въ концѣ XVI в.), Пинскихъ (въ концѣ XVI в.), Слуцкихъ (въ концѣ XVI в.) и Бѣльскихъ; жен. на N N. 4

14. Князь Ягайло Ольгердовичъ, первоначально язычникъ, въ православномъ крещеніи *Яковъ—Ягайло* (по другимъ свѣденіямъ—Яковъ Александровичъ Ягайло), съ 1386 г.—католикъ и Король Польскій Владиславъ I, родоначальникъ польскаго королевскаго дома Ягеллоновъ (угасшаго въ 1572 году), виновникъ соединенія Литвы и Руси; род. 1350 † 31 мая 1434, въ Краковѣ, гдѣ и схороненъ; жен. 1) съ 1386 г., въ Краковѣ, на Ядвигѣ, единственной дочери Людовика Венгерскаго († 1384), племянника Казиміра Великаго (послѣдняго изъ Пястовъ), скончалась бездѣтною; 2) на N N (католичкѣ); 3) на N N (католичкѣ); 4) на Сонкѣ Андреевнѣ, въ католичествѣ—*Софьѣ* (дочери Князя Андрея Ивановича Друцкаго, отъ брака съ княжною N N, дочерью В. Князя Кейстута), двоюродной своей племянницѣ. 4

15. Князь Коригайло Ольгердовичъ, язычникъ, въ православіи—*Константинъ*, съ 1386 г. католикъ Казиміръ, Князь Черниговскій и Чарторыйскій, Великій Князь Литовскій, убитъ 1392, отсѣченіемъ головы, по приказанію двоюроднаго брата своего, Витовта; родоначальникъ Князей Чарторыжскихъ; жен. на N N. 4

16. Князь Зодзевитъ Ольгердовичъ, язычникъ, въ православіи—*Иванъ* (по другимъ извѣстіямъ—*Ѳеодоръ*), † 1358. 4

17. Князь Скиргайло Ольгердовичъ, язычникъ, въ православномъ крещеніи—*Іоаннъ*, въ католичествѣ—*Казиміръ*, род. 1354 † 1394 (отравленъ). 4

18. Князь Свидригайло Ольгердовичъ, язычникъ, принялъ православіе въ Москвѣ, осенью 1409 г., съ именемъ—*Льва*, но въ 1386 году, перешелъ, въ Краковѣ, въ католичество, съ именемъ—*Болеслава*, В. Князь Литовскій (1430—1432), р. 1355 † 1452; жен. на княжнѣ Ольгѣ (по другимъ—Софьѣ) Борисовнѣ Тверской. 4

19. Князь Бутовъ Ольгердовичъ, язычникъ, во св. православномъ крещеніи—*Борисъ*, но съ 1386 г.—католикъ. 4

20. Князь Лингвеній Ольгердовичъ, язычникъ, въ православіи—*Симеонъ*, Князь Мстиславскій, родоначальникъ (угасшихъ въ XV в.) Князей Мстиславскихъ (первой вѣтви); жен. на княжнѣ Маріи Васильевнѣ, дочери В. Князя Дмитрія Ивановича Донскаго. 4

21. Князь Вигундъ (Вингольдъ)—младшій Ольгердовичъ, язычникъ, въ православіи—*Василій*; въ 1386 г. перешелъ въ католичество съ именемъ *Александра* и вскорѣ отравленъ; Князь Окерновскій. 4

8. Княжна Александра Ольгердовна, за княземъ Земовитомъ Мазовецкимъ. 4

9. Княжна Евфимья Ольгердовна, за герцогомъ Тешенскимъ 4

10. Княжна Марья (по инымъ—Агрипина)—старшая Ольгердовна, за Княземъ Борисомъ Константиновичемъ Суздальскимъ-Городецкимъ. 4

11. Княжна Елена Ольгердовна, въ иночествѣ—*Евпраксія*, за Серпуховскимъ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ, род. 15 іюля 1353, въ Москвѣ, † 12 авг. 1410, въ Москвѣ. 4

12. Княжна Ѳеодора Ольгердовна, за княземъ Святославомъ Титовичемъ Карачевскимъ и Звѣнигородскимъ. 4

13. Княжна Марія Ольгердовна—младшая; за 1) литовскимъ сановникомъ Войдиллою, † 1381, въ Вильнѣ (повѣшенъ Княземъ Кейстутомъ); 2) за Княземъ Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ (по другимъ—за русскимъ же княземъ Даніиломъ). По другимъ свѣденіямъ, она была не дочь Ольгерда, а Кейстута. 4

22. Князь Потиргъ Кейстутовичъ, язычникъ; въ 1386, католикъ—*Сигизмундъ*; послѣ 1434 года, убитъ своимъ двоюроднымъ братомъ Княземъ Иваномъ Александровичемъ Чарторыжскимъ. 5

23. Князь Витовтъ Кейстутовичъ, первоначально: а) язычникъ, потомъ б) православный—*Александръ*; в) съ 1383-го года, католикъ—*Виландъ* (подъ вліяніемъ крестоносцевъ); г) въ 1384, опять православный съ именемъ *Александра* и д) съ 1386 г.—католикъ (въ Краковѣ), съ тѣмъ же именемъ, Великій Князь Литовскій (съ 1392 г.); род. 1344, † 27 окт. 1430, въ Луцкѣ; жен. 1) на княжнѣ Аннѣ Святославовнѣ Смоленской, † 1 авг. 1418; 2) на княжнѣ Маріѣ Андреевнѣ Лукомской и Стародубской; 3) на княжнѣ Іуліаніѣ Ольшанской, р. 1378, † 1448 (отъ 1 брака—2 сына и дочь, отъ 3 брака—1 дочь). 5

24. Князь Андрей Кейстутовичъ—Горбатый, православный, съ 1386 г.—католикъ, Князь Полоцкій, убитъ въ 1399, въ битвѣ съ Татарами на Ворсклѣ. 5

14. Княжна N N Кейстутовна, за княземъ Андреемъ Ивановичемъ Друцкимъ, родоначальникомъ Князей Друцкихъ-Соколинскихъ и Друцкихъ-Любецкихъ и угасшихъ Князей Друцкихъ-Горскихъ и Бакриновскихъ. (Долгорук. I, 130, № 67). 5

25. Князь Александръ Коріатовичъ (а не Дмитрій, какъ у Карамзина); жен. на княжнѣ N N, дочери В. Князя Московскаго Симеона Гордаго. 6

26. Князь Ѳеодоръ Любартовичъ, Князь Луцкій и Владиміръ-Волынскій . . . 7

27. Князь Иванъ Любартовичъ 7

Москвѣ, † 27 фев. 1425, въ Москвѣ и схороненъ въ Архангельскомъ Соборѣ (отецъ и мать супруги № 37).

34. Князь Иванъ Витовтовичъ, † при жизни отца 23

35 Князь Юрій Витовтовичъ, † при жизни отца. 23

18. Княжна N N Витовтовна, за литовскимъ вельможею Кормультомъ . 23

КОЛѢНО V.

36. Князь Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, † 1426, въ Москвѣ (по другимъ—убитъ 1399); жен. на N N. 29

37. Князь Юрій Патрикѣевичъ, боярин; съ 1408 г. жен. въ Москвѣ, на своей четвероюродной сестрѣ, по женской линіи, Великой Княжнѣ Аннѣ Васильевнѣ, дочери В. Князя Василія Дмитріевича (сестра Василія Васильевича Темнаго и Императрицы Греческой, Анны Палеологъ, † 1417), родной теткѣ Ивана III-го. 29

38. Князь Александръ Патрикѣевичъ, Князь Стародубскій и Корецкій, въ 1400 году принявшій подданство у Польскаго Короля Владислава—Ягелло; родоначальникъ (угасшихъ) Князей Корецкихъ, въ концѣ XVI столѣтія. 29

КОЛѢНО VI.

39. Князь Василій Ѳеодоровичъ—*Хованскій*, родоначальникъ Князей Хованскихъ; жен. на N N. 36

40. Князь Василій Юрьевичъ Патрикѣевъ, бояринъ Великаго Князя Василія Васильевича Темнаго и Ивана Васильевича, двоюродный братъ Ивана III; жен на N N. 37

41. Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, бояринъ В. Князя Василія Васильевича и Ивана Васильевича, во инокахъ *Іоасафъ*, † 1499, въ Троицкой Лаврѣ; жен. на Евдокіѣ Владиміровнѣ Ховриной (дочери боярина Владиміра Григорьевича Ховрина). 37

19. Княжна Аграфена Александровна, за Княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ, братомъ В. Князя Василія Дмитріевича. 38

КОЛѢНО VII.

42. Князь Иванъ Васильевичъ Патрикѣевъ—*Булгакъ*, бояринъ (1476), троюродный дядя Ивана Грознаго, † 1479; жен. на N N. 40

7

43 Князь Данило Васильевичъ Патрикѣевъ—*Щеня*, бояринъ, † 1515, родоначальникъ (угасшихъ въ 1568 году) Князей Щенятевыхъ, троюродный дядя Ивана Грознаго; жен. на N N. 40

44. Князь Михаилъ Ивановичъ Патрикѣевъ — *Колышка*, † бездѣтенъ; жен. на N N. 41

45. Князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ—*Косой*, взялъ у Поляковъ гор. Вязьму (1493), бояринъ (1495) В. Князя Ивана Васильевича, во инокахъ—*Вассіанъ*, † въ Волоколамскомъ монастырѣ, въ 1500 г. (бездѣтнымъ). 41

46. Князь Иванъ Ивановичъ Патрикѣевъ—*Муннына*, † бездѣтнымъ 41

20 Княжна Ирина Ивановна Патрикѣевна, за Княземъ Семеномъ Ивановичемъ Бѣльскимъ. 41

КОЛѢНО VIII.

47. Князь Иванъ Ивановичъ *Булгаковъ—Мышокъ*, бояринъ, † бездѣтенъ. . . . 42

48. Князь Михаилъ Ивановичъ *Булгаковъ*, по прозвищу—Голица, во инокахъ *Іона*, † 1558, по женской линіи четверюродный (или правнучатный) братъ Ивана Грознаго, родоначальникъ Князей Голицыныхъ; жен. на N N. 42

49. Князь Дмитрій Ивановичъ *Булгаковъ*, † бездѣтнымъ, въ темницѣ и неволѣ, у Поляковъ, послѣ плѣненія, вмѣстѣ съ своимъ братомъ (№ 48), въ Оршанской битвѣ. 42

50. Князь Андрей Ивановичъ *Булгаковъ*, по прозвищу—*Курака*, бояринъ, родоначальникъ Князей Куракичныхъ. 42

КОЛѢНО IV.

28. Князь Михаилъ Явнутовичъ, Князь Заславльскій, † 1399, въ битвѣ съ Татарами, на Ворсклѣ. 8

29. Князь Патрикей Александровичъ, Князь Звѣнигородскій на Волыни; жен. на N N (съ 1408 г. на службѣ у Московскаго Великаго Князя). 9

30. Князь Иванъ Вигундовичъ 11

15. **Княжна N N Владиміровна (Олельковна), за княземъ Василіемъ Михайловичемъ, сыномъ Тверскаго Князя Михаила Александровича.** 13

16. **Княжна Марья Ягайловна (остальныя дѣти Ягайлы входятъ уже въ составъ королевскаго дома Ягеллоновъ).** 14

31. Князь Василій Коригайловичъ (Константиновичъ) Чарторыжскій, первый изъ Князей Чарторыжскихъ. 15

32. Князь Иванъ Потирговичъ, христіанинъ 22

33. Князь Александръ Потирговичъ, православный, потомъ епископъ Рижскій (католикъ), въ 1396 году. 22

17. **Княжна Софья Витовтовна (Александровна), во иночествѣ *Евфросинья* (по другимъ извѣстіямъ—*Синклитикія*), род. около 1372, † 15 іюня 1453, въ Москвѣ и схоронена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ Кремлѣ; съ 1387 г. обручена, а съ 9 января 1391 (въ Москвѣ), въ бракѣ съ Великимъ Княземъ Московскимъ, Василіемъ Дмитріевичемъ, род. 30 дек. 1371 г., въ** 23

1

Князь Николай Николаевич Голицын, автор «Материалов для полной родословной росписи князей Голицыных», сообщает подробности внутрисемейной борьбы сыновей Гедимина за престол и веру.

Наримунд Гедиминович (1277–1348), в православии Глеб, князь Пинский и Мозырский, впоследствии — князь Ладожский, Ореховецкий и Корельский. Это его дети и внуки станут русскими князьями Патрикеевыми, Хованскими, Щенятьевыми, Куракиными и Голицыными.

Княжна Айгуста Гедиминовна (язычница, в православии Анастасия) в 1333 году замужем за великим князем Московским Симеоном Ивановичем Гордым.

Мария Гедиминовна — в 1320 г. вышла замуж за великого князя Тверского Дмитрия Михайловича Грозные Очи, убитого татарами 15 сентября 1326 г.

Князь Александр Наримунтович, православный князь Ореховецкий, затем Подольский и Пинский, «повешен на дереве и разстрелян стрелами по приказанию В. Князя Витовта».

Его двоюродный брат, участник Куликовской битвы, *Вигунд (Вингольд) Ольгердович* «отравлен по приказанию В. Князя Витовта, своего двоюродного брата».

Князь Коригайло Ольгердович, в православии Константин, с 1386 г. католик Казимир, князь Черниговский и Чарторыйский, родоначальник князей Чарторыжских, великий князь Литовский, убит в 1392 г. «отсечением головы по приказанию двоюродного брата своего, Витовта».

Князь Скорагайло Ольгердович, в православии Иоанн, в католичестве Казимир. Отравлен в 1394 году.

Князь Свидригайло Ольгердович (1355—1452), принял православие в Москве с именем Лев, но в 1386 году перешел в католичество с именем Болеслав, великий князь Литовский (1430–1432). Был женат на княжне Ольге (Софье) Борисовне Тверской.

Князь Лингвений Ольгердович, в православии Симеон, родоначальник первой (угасшей) ветви князей Мстиславских, женат на Марии, дочери великого князя Дмитрия Ивановича Донского.

Другой двоюродный брат — *Корибут Ольгердович*, в православии Дмитрий, великий князь Трубчевский, Брацлавский и Новгород-Северский, женатый сначала на княжне Любови Московской, а потом на княжне Анне Рязанской, был родоначальником князей Трубецких и Вишневецких.

Князь Олелько Ольгердович, в православии Владимир, также участник Куликовской битвы, был родоначальником князей Пинских, Слуцких и Бельских.

Князь Ягайло Ольгердович, первоначально язычник, в православии Яков, в католичестве (с 1386 г.) — король Польский Владислав I, родоначальник польского королевского дома Ягеллонов (угасшего в 1572 г.).

И, наконец, *князь Витовт Кейстутович* (1344–1430), «первоначально: а) язычник, потом б) православный — Александр; в) с 1383-го года католик — Виганд (под влиянием крестоносцев); г) в 1384, опять православный с именем Александра и д) с 1386 г. — католик (в Кракове) с тем же именем, Великий Князь Литовский (с 1392 г.)». От брака с княжной Анной Святославовной Смоленской имел двух сыновей.

Именно по его приказу был расстрелян князь Александр Наримунтович, сын которого, князь Патрикей, в 1408 году перешел на службу к Великому князю Московскому.

Боярин Юрий Патрикеевич женился на своей четвероюродной сестре по женской линии — «Великой Княжне Анне Васильевне, дочери В. Князя Василия Дмитриевича (сестра Василия Васильевича Темного и Императрицы Греческой, Анны Палеолог, ум. 1417), родной тетке Ивана III».

Двоюродные братья великого князя Ивана III, *князья Василий и Иван* (женатый на дочери госурственного казначея, происходившего из византийского императорского дома Комниных — Евдокии Владимировне Ховриной) *Юрьевичи Патрикеевы* по праву ближнего родства к великому князю возглавляли Боярскую думу.

Троюродные дяди царя Ивана Грозного, бояре Иван Васильевич Булгак Патрикеев и Даниил Васильевич Щеня Патрикеев (родоначальник Щенятьевых) продолжили эту традицию.

Четвероюродные (или правнучатые) братья царя Ивана Грозного, *Михаил Иванович Булгаков* по прозвищу

Голица и *Андрей Иванович Булгаков* по прозвищу Курака стали родоначальниками двух знаменитых в истории России родов Голицыных и Куракиных.

Судьба *Михаила Ивановича Голицы* была незавидной — он 38 лет (1514–1552 гг.) провел в польском плену и, возвратясь на родину, вскоре, в 1558 году, умер.

У него остался сын — *Юрий Михайлович*, «окольничий, кравчий (1525), боярин (1537), посол к Венгерскому Королю Фердинанду, Казанский воевода (основатель г. Свияжска), Новгородский (1546) и Псковский (1557) наместник». Умер в 1561 году.

Двое сыновей Юрия Михайловича были боярами — *Иван Юрьевич* с 1574 года, а *Василий Юрьевич* с 1575 года.

Василий Юрьевич был воеводой — Пронским (1562), Одоевским (1565), Брянским (1570), наместником Новгородским (1583) и Смоленским (1584). Василий Юрьевич был женат с 1571 года на вдове боярина и кравчего Федора Алексеевича Басманова-Плещеева, одного из организаторов опричного террора в России. От этого брака у него было трое сыновей, данные о которых мы также взяли из «Материалов…» Н. Н. Голицына:

«*Князь Василий Васильевич*, боярин (1591) Царя Феодора Ивановича и Годунова (1602), «столп отечества», «великий дворецкий» Самозванца, Наместник Кексгольмский (при Шуйском), деятель междуцарствия и один из кандидатов на русский престол, в 1612 году; посол (1610) и пленник в Польше (1610–1619), ум. 25 (?) января 1619 г., в Вильне; схоронен в Троицкой Лавре, под папертью Троицкого Собора. Жен. на N.N. (бездетен)».

Внесем некоторые уточнения: «столпом отечества» назвал князя Василия Васильевича Голицына князь Дмитрий Михайлович Пожарский, на племяннице которого князь Дмитрий был женат вторым браком. Князь Василий Голицын был самой реальной

кандидатурой на российский престол в противовес королевичу Владиславу, почему поляки и заставили его возглавить русское посольство в Польшу для приглашения на царство сына польского короля Сигизмунда, а потом, вплоть до смерти в 1619 году, держали в плену (впрочем, и смерть его, скорее всего, дело рук польской шляхты).

«*Князь Иван Васильевич*, окольничий (1592), боярин Царя Феодора Ивановича (1597), Шуйского, Самозванца и Михаила Федоровича, сосланный в Вятку (1625) с царской свадьбы, ум. 1627, в Вятке. Женат на Марье Васильевне N. (брак бездетный). Схоронен под папертью Троицкого Собора в Троицко-Сергиевской Лавре».

Формально сослан по местническому конфликту, спровоцированному окружением царя Михаила Федоровича — братьями Салтыковыми. Главная причина — боялись дворцового переворота и прихода Голицыных к власти.

«Князь *Андрей Васильевич*, боярин Царя Феодора Ивановича (1597), Самозванца (1605), Шуйского, Тобольский воевода; убит 11 марта 1611 года Поляками, в Москве; жен. на N.N, приезжей (с 1617 г.) боярыне Царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой (1 сын)».

Причина гибели та же, что и гибель и ссылка с ранней смертью братьев, — возглавив Московское восстание, он был наиболее опасен для поляков и Семибоярщины, в которую формально входил и сам.

И так уж было определено судьбой, что именно этот «1 сын» и стал основателем могущественного рода князей Голицыных.

«Князь *Андрей Андреевич*, стольник (1623), родоначальник всех ныне существующих представителей рода Князей Голицыных, так как из четырех сыновей

его пошли четыре отрасли того рода; боярин (6 января 1638) Царя Михаила Феодоровича и Тобольский воевода (1633–1635), ум. 22 сентября 1638 г.; женат на Евфимии Юрьевне Пильемовой-Сабуровой (4 сына), родоначальнице всех Князей Голицыных».

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛИЦЫН ВЕЛИКИЙ

О взлете и падении князя Василия Васильевича Голицына (внука Андрея Андреевича) — Великого, как называли его иностранные послы, фаворита царевны Софьи Алексеевны и соправителя Российского государства, написаны сотни книг, поэтому мы ограничимся краткой справкой из знаменитого энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, т. XVII. СПб., 1897:

«Голицын Василий Васильевич, родился в 1643 г.; молодые годы свои провел в придворном кругу царя Алексея Михайловича в званиях стольника, чашника, государева возницы и главного стольника. В 1676 г., уже в звании боярина, Голицын отправлен был в Малороссию принять меры для охранения Украины от набегов крымцев и турок и участвовал в знаменитых Чигиринских походах. Непосредственное знакомство с военным делом поставило Голицына лицом к лицу с недостатками тогдашней организации русского войска. Он убедился, что корень зла лежит в местничестве, и, вернувшись в Москву, сумел провести его уничтожение. Майский переворот 1682 г. поставил Голицына во главе Посольского приказа. Ролью первого государственного человека в течение семилетнего правления царевны Софьи (1682–1689) Голицын, помимо личных дарований, обязан был еще близостью своей к правительнице, которая страстно его любила. В звании наместника новгородского и ближнего

боярина, Голицын, кроме сношений с иностранными державами, заведовал приказами рейтарским, владимирским судным, пушкарским, малороссийским, смоленским, новгородским, устюжским и галицкой четвертью; в 1683 г. пожалован «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел Оберегателем» — титулом, который до него носили лишь Ордин-Нащокин и Матвеев. Яркого следа во внутреннем управлении России Голицын о себе не оставил. Зато внешняя политика его ознаменована заключением 21 апреля 1686 г. вечного мира с Польшей. По этому миру Киев, которым Россия владела доселе лишь фактически, переходил к ней и de jure. Обязательство польского правительства не притеснять своих православных подданных создало основание для последующего вмешательства России во внутренние дела Польши. Обусловленный договором с Польшей поход (так называемый первый крымский) 1687 г. под начальством Голицына был неудачен. Награжденный Софьей как победитель, Голицын предпринял в 1689 г. второй поход, столь же безрезультатный: войско доходило лишь до Перекопа. Только с большим трудом удалось Софье уговорить Петра назначить Голицыну и его товарищам награды за эту кампанию. Падение Софьи повлекло за собою и опалу Голицыну. Обвиненный в нерадении во время последнего крымского похода и в излишнем возвышении царевны Софьи, в ущерб чести обоих государей, Голицын указом 9 сентября лишался боярства, всего имущества и ссылался вместе с семьей в Каргополь, откуда переведен в Яренск (в ту пору — глухая зырянская деревня). Извет Шакловитого, будто бы Голицын принимал активное участие в заговоре стрельцов в ночь на 8 августа 1689 г., подкрепленный новым изветом о сношениях Голицына с Софьею уже после ссылки, еще более отягчил его судьбу. Был отдан приказ вести Голицына с семьей в Пустозерский острог, на низовья Печоры. Непогода на море помешала ехать далее Мезени (1691). Трудность

пути и челобитные Голицына оказали свое действие: опальной семье дозволили остаться в Мезени. Последний этапный пункт ссылки Голицына — Волоко-Пинежская волость (Арх. губ.), где (в селе Кологорах) он и умер 21 апреля 1714 г. По смерти Голицына семья его была возвращена из ссылки.

Голицын был несомненно выдающимся и передовым человеком своего времени. Получив прекрасное домашнее образование, знакомый с языками немецким, греческим и латинским, он владел последним с таким совершенством, что свободно вел на нем устную речь. Голицын ясно понял основную задачу века — более тесное сближение с Западом. Как приверженец Софьи он долгое время в глазах потомства нес вместе с нею незаслуженно низкую оценку. Видя Голицына в числе врагов Петра, большинство привыкло смотреть на него как на противника преобразовательного движения и ретрограда. На самом деле Голицын был западник и сторонник реформ в европейском духе. Он покровительствовал иностранцам, сочувствовал образованию русского юношества, хотел освободить крестьян от крепостной зависимости, отправить дворян за границу в военные школы, завести постоянные посольства при европейских дворах, даровать религиозную свободу и пр. Отличие Голицына от Петра — в сочувствии западно-католической культуре, тогда как Петр был сторонником протестантской Европы».

КВАСНИК — ШУТ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Эту историю мы начнем не с начала, а с конца, чтобы развеять некоторые исторические мифы о Михаиле Алексеевиче Голицыне. Хватит с него и тех историй, в которых он очутился волею своей судьбы.

«*Пятого августа 1887 года, — писал в очерке "Могила князя-шута" П. Полевой в "Историческом вестнике" за*

1890 г. № 1, – в шесть часов утра, я выехал из Москвы с добрым приятелем моим, художником К.В. Лебедевым, по дороге к Троицу. Не по железной Ярославской дороге, а по шоссейной, на извозчике… Мне хотелось давно уже проехать к Троице именно этим путем, хотелось кое-что по пути посмотреть и разузнать; хотелось убедиться в том, как многое изменилось или совсем исчезло, навеки утратилось для русской археологической науки с того времени, когда этим же самым путем ехал (в конце прошлого века) Карамзин, подготовляясь писать свои живые и любопытные "Впечатления по пути к Троице". Когда-нибудь, в другое время, я, может быть, скажу несколько слов о впечатлениях, вынесенных мною из моей поездки, но в настоящую минуту ограничусь только следующей небольшой заметкой.

Проехав мимо Алексеевского, Ростокина, Малых и Больших Мытищ, Тарасовки, Пушкина и Новой деревни, мы добрались до исторического села Братовщины (иначе Братошина). Я невольно вспомнил припомнил, что это село было одною из вотчин некогда сильного и знаменитого вельможи и любимца царевны Софии Алексеевны, князя Василия Васильевича Голицына. Невольно припомнилась по этому поводу и странная, трагическая судьба его рода, в течение полувека успевшего снизойти с высших степеней могущества, богатства и знатности до величайшего ничтожества… Припомнилась и какая-то журнальная заметка о том, что в селе Братовщине покоится где-то прах несчастного шута Голицына (внука князя Василия Васильевича), игравшего такую жалкую, страдательную роль в известной свадьбе Ледяного Дома – этой беспримерно-жестокой, ужасной шутке…

– А где же могила его? – спросил меня мой спутник.

– Надо бы ее разыскать… Зарисовать на память.

– Надо бы! Да где ее разыщешь? Вы знаете, как у нас сохраняются могилы…

Потолковали; остановили извозчика у церкви — пошли бродить по кладбищу. Пересмотрели все могилы, все памятники, перечитали все надписи в стихах и прозе — и ничего не нашли. Могилы были все новые, недавние; под крестами и надгробными плитами мирно покоились останки разных купцов, купчих и окрестных помещиков.

— Да быть же не может! — говорил я моему спутнику. — Мы верно где-нибудь пропустили или просмотрели. Наверно помню, что здесь именно он и похоронен; помнится даже, что в родословной Голицыных об этом несчастном князе-шуте сказано: "умер 1778 года в своих поместьях и похоронен в селе Братовщине".

Опять начались поиски и усиленный осмотр могил и памятников, не только в ограде церкви, но и за оградой. И опять без всякого результата. Но меня уже досада взяла: — я стоял на своем и непременно захотел отыскать эту несчастную могилу…

Мы решили обратиться с вопросом к священнику, зашли в его скромный чистенький домик, на дороге около церкви, и, принятые весьма радушно, за чашкой чая, разговорились о могиле князя-шута.

Оказалось, что священник — еще недавно получивший этот приход и притом совсем молодой человек — знал понаслышке, что Братовщина когда-то принадлежала Голицыным, сообщил нам даже местное предание о том, что "княжой дворец" был построен когда-то на холме, налево от дороги, и что там до сих пор откапывают из земли кирпичи и щебень… Но о могиле князя-шута он не имел никакого понятия.

Я рассказал печальную историю несчастного князя Михаила Алексеевича Голицына (в общих чертах, конечно) и очень заинтересовал молодого моего собеседника; и не только его, но и его молодую супругу.

— Постой-ка, постой! — обратилась она к мужу. — Да ведь это они на новом кладбище искали, а мне батюшка мой

говорил, что на старом есть какая-то могила, точно, что какой-то князь похоронен… Не Голицын ли?

— Какое старое кладбище, — спохватились мы оба разом. — Где? Далеко ли отсюда?

— Да нет же! Вот тут и есть… Вы мимо проезжали… По за церковью, — у самой дороги.

— Батюшка! Поедем с нами… Давайте разыскивать.

— Что ж? Извольте: — поедем.

И он обязательно поехал с нами на старое кладбище, которое расположено у самой дороги, на окраине небольшого возвышения, как, кажется, срезанного при проведении шоссе (если ехать от Москвы, то не доезжая церкви, по той же правой стороне дороги). Кладбище заброшенное, заросшее бурьяном, крапивой и всякими сорными травами… Ни ограды, ни следа памятников, или крестов. Кое-где, среди травы, белеются только какие-то камни и возвышаются маленькие бугорки. Но вот, около избушки, поставленной также на краю срезанного возвышения, мы видим нечто в роде каменной скамьи. На этой скамье сидят, около нее резвятся и скачут, играют дети. Вовсе не предполагая, что это надгробный памятник, мы подходим к каменной скамье, и мой спутник, художник Лебедев, первый обращает внимание на какую-то надпись на камне и кричит нам:

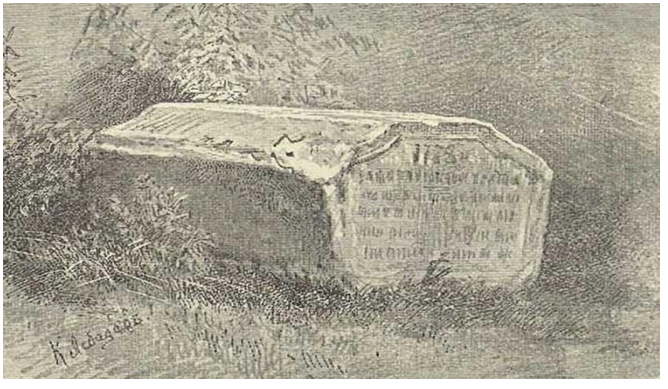
— Да вот не она ли это? Не та ли самая? В надписи говорится о каком-то Голицыне!

Подходим к камню и на узкой боковой стороне его читаем высеченную надпись:

1775 году июня 18
числа скончался князь
Михаил Алексеевич Галицын
W рождения ево семидесяти восьми лет
и скончал век свой.

Эта надпись, которую я списал буквально с камня, оказалась очень важной датой, опровергающей неверные данные Голицынских родословий. Если князь Михаил Алексеевич скончался 78-ми-летним стариком в 1775 году — значит, он родился в 1697 году, а не в 1687 году, как показывает Серчевский в своем известном сочинении о роде князей Голицыных. Значит также, что он родился в то время, когда его дед и отец (Алексей Васильевич) жили в ссылке, а не ехал с ними в ссылку двухлетним ребенком, как рассказывают некоторые биографы Голицыных. Неверно показан у Серчевского, следовательно, и год первой женитьбы Михаила Алексеевича (1711); надо предполагать, что женился он ровно на десять лет позднее, т. е. в 1721 году, когда ему всего было 24 года от роду. Неверно показанным у Серчевского и у другого биографа (Князь Н. И. Голицын…) оказывается и самый год смерти князя-шута, который, как видно из надписи на его гробнице, скончался не в 1778 г., а в 1775.

На память о наших поисках К.В. Лебедев зарисовал в альбом могилу несчастного князя, и мы воспроизводим здесь его рисунок. Недурно было бы, конечно, если бы потомки князя Михаила Алексеевича вспомнили, взглянув на этот рисунок, о своем несчастном предке и позаботились об ограде для его скромного надгробного памятника».

Итак, *Михаил Алексеевич Голицын* родился в ссылке 27 октября, но не 1687, а 1697 года, то есть на десять лет позже.

В 1714 году, когда его знаменитый дед, занимавшийся с рождения внуков их воспитанием и образованием, умер, Голицыных отпустили на волю — без деда они были уже не опасны для царя Петра.

Алексей Васильевич, боярин с 1687 года, то ли по своей воле, то ли по приказу-наущению свыше сменил свою княжескую фамилию на подчеркнуто плебейскую — Кислицын (1697–1740). В ссылке он провел около тридцати лет и, конечно же, не мог уже сделать никакой карьеры (по одной из версий — страдал расстройством рассудка, из-за чего не мог состоять на государственной службе, хотя это мог быть только слух, пущенный недругами Голицыных).

Да и сам царь Петр к тому времени еще не «почил в бозе», а наоборот был в самой ярой своей силе, искоренял новую крамолу среди родственников, не щадя ни собственного сына — царевича Алексея, ни Нарышкиных, ни Лопухиных, ни Колычевых.

Умер князь Алексей Кислицын в 1740 году (а вовсе даже не в ссылке, как пишут некоторые биографы), возможно, не пережив очередного семейного позора — «величайшего ничтожества» своего старшего сына Михаила, так же, как и отец, по высочайшей воле прозывавшийся теперь не своим княжеским, а шутовским именем Квасник…

Но об этом чуть позже.

Время окончания ссылки было не лучшим временем для опальных Голицыных. Их постоянный благодетель — защитник и покровитель — воспитатель царя Петра, *Борис Алексеевич Голицын* сам попал в опалу и умер в 1714 году, как и его двоюродный брат *Василий Великий*.

Старшие сестры вышли замуж еще до семейной катастрофы. *Ирина* была замужем за князем Юрием

Юрьевичем Одоевским, *Евдокия* (1676 г. р.) — замужем за Борисом Борисовичем Змеевым, сыном Домны Нарышкиной. Но Ирина Васильевна, родившаяся в 1671 году, в 1701 году уже умерла.

У Василия Васильевича было четверо сыновей и четверо внуков.

Старший сын — *Михаил Васильевич* — был впоследствии морским офицером, дослужился до чина капитан-командора (контр-адмирала), был женат на Татьяне Степановне Нееловой, но наследников не оставил.

О судьбе младших братьев — *Петра и Ивана* — мы пока ничего не знаем.

У *Алексея Васильевича* (Кислицына) было двое сыновей.

Василий Алексеевич был женат на княжне Анне Михайловне Лобановой-Ростовской и имел сына Михаила Васильевича (1729 г. р., женатого на Анне Александровне Головиной) и дочь Татьяну (1731 г. р.).

Михаил Алексеевич с 1711 года (все-таки, по датам рождения его детей, получается эта дата) был женат на Марфе Максимовне Хвостовой (1694—1729), и у него были дети: Елена (1712—1747), супруга графа Алексея Петровича Апраксина, и Николай (1714—1758), капитан гвардии.

После отмены ссылки царь Петр отправил Михаила Алексеевича учиться за границу. Он слушал лекции в Сорбонне. Возвратившись на родину, служил в армии, вышел в отставку в чине майора. Марфа Максимовна умерла в 1729 году.

В том же году Михаил Алексеевич снова отправляется за границу, где тайно принимает католичество и женится на итальянке — баронессе Марье-Франциишке (это не точно, есть и другие версии).

В 1732 году он возвращается в Россию вместе с женой и маленькой дочерью и тайно поселяет их в Москве, в Немецкой слободе, скрывая и свой брак, и новое вероисповедание.

Но именно в это время воцарившаяся на российском престоле Анна Иоанновна искала любой повод, чтобы сокрушить два самых могущественных клана России — князей Долгоруковых и князей Голицыных, попытавшихся, будучи членами Верховного Тайного Совета, при воцарении императрицы Анны ограничить ее самодержавную власть.

Императрице донесли на него, и М.А. Голицына вызвали в столицу. Во времена Анны Иоанновны переход в католичество считался духовным преступлением. Брак с итальянкой был признан незаконным. Жену-иностранку или сослали, или выслали из страны (пишут разное). А Михаилу Алексеевичу велено было занять место среди придворных шутов-дураков. Тогда же приклеилось к нему и новое прозвище Квасник — якобы в его обязанности теперь входило угощение императрицы и ее гостей квасом, а те не стеснялись выливать остатки на голову шута-аристократа.

«Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны», худ. В. Якоби

В исторической литературе бытует мнение, что от пережитого унижения Михаил Алексеевич Голицын повредился умом (в словаре Брокгауза и Ефрона говорится, что, когда Анна Иоанновна решила женить князя, он уже пребывал в состоянии, близком к идиотизму), между тем сохранившиеся образцы его остроумия свидетельствуют об обратном. Судите сами.

* * *

Как-то в обществе некая пригожая девица сказала князю:

– Кажется, я вас где-то видела.

– Как же, сударыня, – тотчас отвечал Квасник, – я там весьма часто бываю!

* * *

Об одном живописце говорили с сожалением, что он пишет прекрасные портреты, а дети у него весьма непригожи. Услышав это, Квасник пожал плечами:

– Что же тут удивительного: портреты он делает днем, а детей — ночью.

* * *

Однажды всемогущий временщик императрицы герцог Бирон спросил Квасника:

– Что думают обо мне россияне?

– Вас, ваша светлость, – отвечал он, – одни считают Богом, другие Сатаною, и никто — человеком.

* * *

Одна пожилая дама, будучи в обществе, уверяла, что ей не более сорока лет от роду. Квасник, который хорошо знал истинный ее возраст, обращаясь к присутствующим, сказал:

– Можете ей поверить, потому что она больше десяти лет в этом уверяет.

* * *

Известный генерал фон Девиц на восьмидесятом году жизни женился на молоденькой смазливой немке из города Риги. Будучи накоротке с Квасником, он написал ему о своей женитьбе, прибавив при этом: «Конечно, я уже не могу надеяться иметь наследников». На это Голицын ему отвечал: «Конечно, не можете надеяться, но всегда должны опасаться, что они будут».

* * *

Герцог Бирон послал однажды Квасника быть вместо себя восприемником от купели сына одного из камер-лакеев.

Квасник исправно выполнил поручение. Но когда он докладывал о том Бирону, временщик, будучи не в духе, назвал его ослом.

– Не знаю, похож ли я на осла, – возразил Квасник, – но знаю, что в этом случае я совершенно представлял вашу особу.

Более всех категоричен почему-то в своей оценке шута князя Голицына Лев Бердников, автор очерка «Квасник-дурак»:

«Французский писатель А. Труайя в своем историческом романе "Этаж шутов" приводит слова, якобы говоренные Анной каждому новоиспеченному забавнику: "Изображать обезьяну, петь петухом, мяукать и лаять умеют другие и делают это лучше тебя. Постарайся придумать свое!". И вот парадокс: пресловутое слабоумие Голицына странным образом уживалось в нем с раболепием и угодничеством перед сильными мира сего, причем свойство это обнаружилось еще до его обращения в шуты: при Екатерине I он юлил перед могущественным А. Д. Меншиковым, а затем, при Петре II, ублажал сиятельных князей Долгоруковых.

Князь весьма потрафлял и своей венценосной хозяйке и делал это по-своему, лучше других. "Семен Андреевич! – писала императрица в 1733 году московскому градоначальнику С. А. Салтыкову. – Благодарна за присылку Голицына; он здесь всех дураков победил; ежели еще такой же в его пору сыщется, то немедленно уведомь".

Что же входило в шутовские обязанности Михаила Алексеевича? Известно, что ему было поручено обносить императрицу и ее гостей русским квасом. Именно вследствие этого (а не из-за того, что мать его была из рода Квашниных (??? — С. В.) к нему приросла кличка "Квасник" – под этим прозвищем он фигурировал даже в официальных документах. И придворные взяли за правило непременно обливать нашего шута опитками кваса и громко потешаться над этим.

Зная грубые вкусы императрицы, можно с уверенностью сказать, что Голицын участвовал в тешивших монархиню шутовских потасовках. Его сажали голым задом в лукошко с сырыми яйцами. Но и здесь он выходил победителем. "Тут все шуты встрепенулись, – рассказывает писатель В. С. Пикуль в своем романе 'Слово и дело', – руками стали махать. И все на разные голоса закудахтали, на яйцах поговаривая: – Куд-куды-кудах! Куд-куд-куд-кудах!.. Михаил Алексеевич тоже руками взмахнул, подпрыгнул и запел курицей. Лучше всех запел".

Вместе с тем Голицына часто характеризуют как самого униженного шута Анны Иоанновны. "Он потешал государыню своей непроходимой глупостью..., – отмечает французский историк А. Газо. – Все придворные как бы считали своей обязанностью смеяться над несчастным; он же не смел задевать никого, не смел даже сказать какого-либо невежливого слова тем, которые издевались над ним...". По мнению А. Газо, отуманенный потерей своей итальянки, Голицын впал в слабоумие и вовсе не понимал, что над

ним потешаются: "Он был до такой степени глуп, что часто отвечал совершенно невпопад на предлагаемые вопросы, так что возбуждал в слушателях громкий взрыв хохота; но он только глупо улыбался и блуждающим взором обводил присутствующих". Этой же версии придерживается и Ю. М. Нагибин. Но, как мы уже знаем, слабоумием князь отличался сызмальства, а, памятуя о его ветрености, трудно допустить, что он долго и глубоко переживал разлуку с женой-итальянкой.

… Голицын получил при дворе и другое прозвище – "Хан самоедский". В свое время титулом короля самоедов (ненцев) Петр I пожаловал своего любимого шута Яна Лакосту. Анна Иоанновна с ее повышенным интересом к экзотическим народам и фольклору не только сохранила за Лакостой этот титул, но и распорядилась отправить в Петербург добрую дюжину дикарей для его свиты. Не из-за своего ли недомыслия к числу незатейливых аборигенов Севера был причислен и наш Квасник? Но при чем тут "хан" – титул, свойственный не самоедам, а воинственным обитателям Крыма – давним врагам России? Необходимо помнить, что действия против Крымского хана и охрана от него пограничных территорий, завершившиеся победоносным взятием русскими Перекопа, были тогда у всех на устах. Очень вероятно, что прозвище "хан" заключало в себе насмешку над поверженным Крымским владыкой. Если же учесть, что князь В. В. Голицын возглавлял Крымские походы 1687 и 1689 годов, закончившиеся полным провалом, то выбор его внука в качестве "хана" также может показаться не случайным.

Анну Иоанновну называли еще императрицей-свахой, ибо она обожала женить и выдавать замуж своих подданных, и шутов прежде всего. Чаша сия не миновала и Голицына, тем более, что на него давно уже положила глаз любимая шутиха и приживалка Анны, калмычка Авдотья Ивановна. Настоящей

ее фамилии никто не знал, а поскольку она страсть как любила буженину, ее стали называть Буженинoвой. Низкорослая, колченогая и чернявая, она обладала острым языком и сметливостью, потешая свою августейшую хозяйку присказками, прибаутками, меткими народными пословицами. Государыня обряжала ее, как рождественскую елку, а та платила ей заразительной улыбкой, открывающей белейшие неровные, спереди выпирающие зубы. Желание Буженинoвой обзавестись родовитым мужем было сейчас же принято к сведению, и Голицыну, согласия которого никто не спрашивал, повелели готовиться к предстоящей свадьбе. Женитьба князя-отступника приобретала назидательный характер, ибо вместо итальянки-католички он вступал в брак с крещеной калмычкой. Таким образом, утверждалась незыблемость православия, на которое опиралась "благочестивая" монархиня» (Лев Бердников. Квасник-дурак).

Фрагмент из картины В. Якоби «Ледяной дом»

И совсем другими словами описывает эту трагическую страницу голицынского рода один из ее представителей — князь Николай Николаевич Голицын:

ИСТОРИЯ КВАСНИКА, РАССКАЗАННАЯ Н. Н. ГОЛИЦЫНЫМ

МАТЕРІАЛЫ

для

ПОЛНОЙ РОДОСЛОВНОЙ РОСПИСИ

КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХЪ,

собранные

КНЯЗЕМЪ Н. Н. ГОЛИЦЫНЫМЪ.

КОРРЕКТУРНОЕ ИЗДАНІЕ.

Печатано въ числѣ 200 экземпляровъ, не предназначенныхъ для продажи.

КІЕВЪ.
Типографія Е. Я. Ѳедорова, Крещатицкая площадь, собств. домъ.
1880.

«В истории голицынского рода, как известно любителям нашей старины, один любопытный эпизод, характеризующий современные ему нравы, именно — судьба князя Михаила Алексеевича (№ 58) в «Ледяном доме», в феврале месяце 1740 г. Все, что относится к этой дикой картине даже тогдашних диких нравов, нам вообще мало известно, также, как и вся биография придворного шута — Квасника. Поэтому крайне бы желательно собрать и сохранить всевозможные предания или акты об этом деле, для которого, без сомнения, давно настала возможность полного разоблачения. Князь Михаил Алексеевич оставил потомство, доныне живущее (представители старшей, первой линии, — №№ 319 и 320), именно от брака в Ледяном доме. Не сохранилось ли у него каких-нибудь актов, изустных преданий, вещественных воспоминаний о князе Михаиле Алексеевиче и о ледяном доме? Разумеется, мы были бы крайне обязаны сообщением всего подобного для предпринимаемого нами издания.

Считаем неизлишним передать пока теперь те немногие сведения о князе Михаиле Алексеевиче, которые доступны из печатных источников, с целью вызвать пополнения и дополнения.

Князь Михаил Алексеевич был внуком князя Василия Васильевича — Великого и участником его ссылки в Яранск и Пинегу. Он родился 27 октября 1687 (1697, в ссылке — С. В.) года, за два года до падения знаменитого своего деда, и малым ребенком перевезен вместе со всем семейством в ссылку. Рос он при деде, был любимым его внуком, бойким и способным, а по смерти его (1714), когда все семейство вернулось в Россию, был послан Петром, в 1716 году (когда ему было уже 29 лет) учиться за границу. Государь ценил способности молодого человека и не желал мстить памяти деда в лице внука.

За границею, по преданию, князь Михаил Алексеевич воспитывался в парижской Сорбонне, потом был в Италии, где увлекся роскошною природою и итальянками, женился во Флоренции на итальянке (он был уже вдов, от первого брака своего на Марфе Максимовне Хвостовой, заключенного еще в ссылке, от которой имел сына и дочь), и под влиянием заграничной жизни, Сорбонны и римского католического мира, может быть даже в угоду новой жене, перешел в католичество. Это был, вероятно, первый пример переход в католичество русского князя и, во всяком случае, первый пример такого рода в семействе Голицыных. За границею он оставался, вероятно, очень долго, жил как бы эмигрантом, одиноко и вдали от России. Но время гонений на князей Голицыных и Долгоруковых приближалось. Наступило царствование Анны Иоанновны и всемогущества Бирона. Много князей Голицыных поплатились за тщеславие и замыслы верховника князя Дмитрия Михайловича, кончившего жизнь в шлиссельбургском заточении; князь Алексей, сын его (№ 45), имевший уже чин д. ст. с., был сослан «нижним офицером» в Кизляр: князь Петр Михайлович (№ 47), его племянник, управлял Нарымским острогом в Сибири; князь Николай Сергеевич (№ 112) в чине гвардии капитана — наблюдал за постройкой Выборгской крепости; сам фельдмаршал, птенец Петра Великого, князь Михаил Михайлович, умер вскоре после падения своей партии, в Москве, от огорчений и потрясений. В список опальных попал и князь Михаил Алексеевич; неизвестно, по какому случаю о нем вспомнили, узнали о его браке и переходе в католичество; его вытребовали, признали брак на итальянке незаконным (она была и в России) и, вероятно, 50-летнего князя, имевшего чин майора, обрекли на роль придворного шута.

При дворе Анны Иоанновны было шесть шутов, из коих трое принадлежали к первым фамилиям русского дворянства, может быть по происка Бирона, всячески старавшего унижать наше дворянство и относившегося к нему презрительно (sic sind ja Russen!), позволявшего на куртагах хлестать бичом по ногам представителей русской знати, громко смеясь над подпрыгиваньем наших сановников. Эти три шута были: князь Михаил Алексеевич, граф Алексей Петрович Апраксин и князь Николай Федорович Волконский. Кроме того, были при дворе еще три шута прежнего времени — Балакирев, Лакоста и Педрилло, полные товарищи вышеупомянутых, игравшие с ними одинаковую унизительную роль и претерпевшие, по вероятности, даже побои. При дворе царствовали тогда довольно странные обычаи и нравы: праздновали свадьбу Педрилло с козою и роды ее, раздавали придворным шутам Орден San-Benedetto, нарочно для них установленный, требовали, чтобы князь Михаил Алексеевич сидел в лукошке и при проходе Императрицы кудахтал курицею, щелкали в усы вельмож, марали им лицо сажею, учили куриц делать молитвенные приемы, шуты сидели на яйцах… Современный нам художник (В. И. Якоби — С. В.) изобразил недавно эти сцены, это «придворное утро», в живой картине, верной по бытовой обстановке…

(Державин говорил обращаясь к «Фелице» и ее времени, 40 лет спустя:

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож,

Князья наседками не клохчут,
Любимцы в явь им не хохочут,
И сажей не марают рож).

Тяжела была подобная жизнь для образованного князя Михаила Алексеевича, привыкшего к условиям европейской жизни, сознававшего потребности ума и сердца. Судьба его к тому же становилась все тяжелее и привела его наконец к «Ледяному дому».

Откуда взялась мысль этой странной потехи, этой «шутовской», дурацкой, или «забавной свадьбы», по выражению современников, положительно неизвестно. Существует предположение, будто эта «потеха» входила в общую программу празднеств по поводу заключения мира с Турциею, так как в старину эти мирные торжества всегда сопровождались длинным рядом увеселений, иногда оригинальных и диких. В иностранных источниках говорится, что свадьба в Ледяном доме была назначена князю Михаилу Алексеевичу в наказание за провинность по его должности или за переход в католичество. Недавно праздновали свадьбу Педриллы с козою, можно было поэтому отпраздновать и более реальную свадьбу другого шута на придворной Калмычке, обставив ее самою дикою процессиею в небывалом еще Ледяном доме, с пушками, стреляющими из ледяных жерл, с ледяной банею, с нефтяным огнем, горящем в ледяном камине, с длинною, пышною и дикою процессиею, со слонами и Персиянами, фонтанами и иллюминациями, на веселье русской масленницы, и наподобие бывших при Петре свадеб князя-папы, шута Шанского, «всешутейшего собора» и других потех петровского времени. По свидетельству Крафта (ни словом не упоминающего о шутовской свадьбе, а говорящего о Ледяном доме лишь с

точки зрения экспериментальной физики) — «первое о строении сего дома похвалы достойное предложение учинил господин камергер Алексей Данилович Татищев, а Высочайше на то соизволение и потребное к сему достопамятному строению немалое иждивение происходило от милости и щедролюбия Ея Императорского Величества, блаженныя и вечно достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, которая великая Монархиня остроумных и иногда к одному только увеселению склоняющихся трудов своих подданных, своею милостью не оставляла». Строение это начато в конце 1739 года, во время великой стужи, бывшею особенно сильною с 10 по 14, с 20 по 24 ноября, с 5 по 13 и с 25 по 31 декабря, а в 1740 году, в течение всего января и первых 18 дней февраля, — первоначально перед императорским Зимним Дворцом, на Неве, но затем, так как ледяной фундамент начал гнуться, то ледяной дом начали строить вновь и докончили на другом месте — «между двумя достопамятными строениями, а именно между созданною от блаженныя и вечно достойныя памяти Императора Петра Первого адмиралтейскою крепостью и построенным от блаженныя и вечто достойныя памяти Государыни Императрицы Анны новым зимним домом, который для своего великолепия достоин всякого удивления».

Но кого же предназначали в супруги князю Михаила Алексеевичу, кто должен был участвовать в этой процессии в качестве новобрачной и начать свою супружескую жизнь в Ледяном доме? Выбор пал на Евдокию Ивановну Буженинову, находившуюся в придворном штате, по некоторым отзывам — карлицу (что весьма сомнительно), по другим отзывам — калмычку, чему следует дать скорее полную веру. Калмычка эта, без сомнения, была крещена и приняла,

вероятно, фамилию своего воспреемника — Буженинова (В некоторых источниках говорится, что имя это было дано ей от любимого кушанья императрицы — буженины. Очевидная натяжка). Последняя фамилия была у нас известна в конце XVII и первой половине XVIII века: в 1725 году комендантом Шлиссельбургской крепости был полковник Буженинов; на придворном спектакле, в 1732 году, перед Анною Иоанновною участвовал паж Буженинов, за что дано ему 20 рублей (играл хлебопека в пьесе о Иосифе Прекрасном). В 1730 году был в академической гимназии ученик Буженинов, произнесший русскими и латинскими стихами приветствие португальскому инфанту Эммануэлю (9 сентября, вместе с учеником Таубертом). При Анне Иоанновне было вообще при дворе множество арабок, карлиц и калмычек: это была своего рода страсть, привычка, долго и потом державшаяся в знатных домах. В Архиве Московской Дворцовой Конторы есть сведения, что Императрица в 1736 году требовала от московского губернатора Семена Андреевича Салтыкова присылку ей обратно калмычки, отданной в дом Строгановых, в Москве, для обучения: «Отдали мы в Москве Калмычку в дом Строгановых, для обучения, и надеемся, что ныне уже обучена, которую вам, взяв оттуда, прислать к нам, когда способная оказия к отсылке случится». Барон А. Г. Строганов отвечал Салтыкову, что от Ея Имп. В. для обучения в их дом дано две калмычки, и оне только выучились шить золотом, а ныне еще учатся шить шелком… Не была ли одна из них — Евдокиею Ивановною Бужениновою, супругою князя Михаила Алексеевича?

Для этой свадьбы, придуманной, вероятно, тоже для потехи болеющей императрицы, причем, может быть, были в ходу и какие-нибудь личные счеты между

Татищевым и кн. Михаилом Алексеевичем, делались большие приготовления. В поезде должны были участвовать представители всех народов России, все инородцы и сибиряки, даже камчадалы; сам жених должен был нести звание «самоедского хана»; выписали слонов, оленей, собак, заказали пышные маскарадные костюмы, которые сохранялись даже после свадьбы и достались, неизвестно почему, графу Остерману. Самоедские ханы, кажется, не переводились на публичных петербуогских увеселениях еще со времен Петра Великого: первоначально таким ханом был Поляк, получавший ежемесячно, кроме содержания, по десяти рублей и живший постоянно в Петербурге, где и умер в 1714 году. В 1740 же году брачная пара, в качестве самоедского хана и ханши, были не кто иные, как князь Михаил Алексеевич и его супруга. Подробности церемоний, веселого поезда, венчания (в какой церкви?), увеселений, иллюминации, пиров, и проч. сохранились преимущественно в преданиях, и нам неизвестно, откуда заимствовал разные мелочные подробности поезда и увеселений Лажечников для своего романа? Правда, в романе, хотя бы и историческом, многое позволено дополнять фантазией, тем более мелочи… Мы и не ставим этого в укор знаменитому романисту, а предполагаем скорее, что Лажечников писал по действительно существовавшим еще в то время (тому 45 лет) преданиям, может быть даже — семейным, или имел случай видеть и пользоваться какими-нибудь письменными, неизвестными нам документами, записками или официальными актами о «дурацкой свадьбе», которые, без сомнения, существовали и, может быть, еще существуют в дворцовых архивах. Это было дело как бы официальное, расходовались дворцовые деньги, выписывались инородцы, наряжались массы

рабочих, заказывались дорогие косюмы, делались всякие придворные распоряжения… Но где именно эти акты? Кто на них укажет и кто их огласит?

Итак, мы не знаем подлинных подробностей о самой свадьбе. Были ли в поезжанах князья Голицыны и родственники жениха (отец его, бывший боярин, князь Алексей Васильевич (№ 32), скончался в том же 1740 году и, может быть, еще был жив во время публичного унижения сына. Он давно уже был задумчив и впал в слабоумие), парили или «жарили» молодых, как говорил Державин, писавший всего на расстоянии 40 лет от события, в ледовой бане, как пировали они, веселились, жили ли они долго в своей холодной квартире и проч.? Иностранным известиям доверять трудно: некоторые говорят, что к дому была приставлена стража, чтобы не выпускать молодых; что дом был выстроен из такого прозрачного льда, что все, что происходило внутри, видно было снаружи. Еще большие неверности и дикие подробности встречаются в книге Августина Петровича Голицына (№ 229, католика): Un missionaire russe en Amerique (о кн. Дм. Дм. Голицыне — № 111-м; Paris, 1856, pg. 170 — 175) — будто этот князь Голицын был вдовец после Нарышкиной, что он был предком автора (что совершенно неверно, ибо князь Михаил Алексеевич был из 1-й линии, Васильевичей, старший в роде, а не Михайловичей, к которым принадлежал князь Августин Петрович); наконец, что он на другое утро найден в Ледяном доме умершим (он жил еще 35 лет спустя), и что при этом торжестве было брошено в Неву — 300 узников!!!

…Шутовская свадьба ознаменовалась одним литературным эпизодом, который достаточно известен нам, и даже в подробности. Для подобных торжеств и бракосочетаний требовались, по тогдашнему обычаю,

вирши и поздравления. Их приказано было сочинить Тредьяковскому, который, как видно из одной современной на него сатиры, бывал часто при Дворе в одинаковой роли с Педриллою и Балакиревым, играл с ними в жгуты и дрался. Четвертого февраля 1740 года он был вытребован Волынским на «слоновый двор», где делались все приготовления к шутовской свадьбе («где собрание было маскараду») под руководством Артемия Петровича. Тредьяковский, не понимая, почему привели его на слоновый двор, между тем как посланный за ним кадет Креницын объявил ему повеление — ехать в Императорский Кабинет, стал жаловаться на Креницына Волынскому, который вместо ответа нанес Тредьяковскому сильные побои и приказал ему спросить у полковника Еропкина, что от него требуется. Еропкин велел ему сочинить «вирши к дурацкой свадьбе», которые он «придя домой и написал, в самом моем уже несостоянии ума». Мы охотно верим этому показанию самого автора, ибо нелепость, аляповатость и грубость этих виршей превосходит все другие произведения автора «Тилемахиды». Тредьяковский вторично подвергся побоям, и гораздо более сильнейшим, от того же Волынского, в покоях Бирона, но избитый и искалеченный, под караулом, в ночь перед дурацкою свадьбою, «твердил наизусть» свои вирши, «хотя мне уже и не до стихов было». В день свадьбы он был приведен из-под караула «в потешную залу», в маскарадном платье и маске, прочел свои вирши, отведен снова под караул, а на другой день подвергся новым еще побоям Волынского, приговаривающего при этом: «а я-де свое взял, и ежели-де впредь станешь сочинять песни, то-де и того достанется»… Выражения эти неясны, особенно в виду того, что сам Волынский приказывал ему сочинять вирши. Или же Волынский был недоволен

самими виршами, с грубыми намеками и, может быть, клеветою?... В конце концов Тредьяковский получил удовлетворение; за него заступилась академия и очень скоро после того последовало падение и казнь Волынского.

Но что это за вирши, из-за которых случилась эта напасть с автором «Телемахиды», из-за которых так сильно пострадал не раз битый уже на своем веку Василий Кириллович?.. Первоначально они были напечатаны с пропусками в «Москвитянине» 1842 года, мы же приводим из рукописи Императорской Публичной библиотеки…

Здравствуйте, женившись, дурак и дура,
Еще и б[ляд]ка, того и фигура!
Теперь то прямое время вам повеселиться,
Теперь то всячески поезжаном должно беситца.
Квасник — дурак и Буженинова — б…ка,
Сошлись любовно, но любовь их гадка.
Ну Мордва, ну Чуваша, ну Самоеды,
Начните, веселые молоды деды!
Балалайки, гудки, рожки и волынки,
Зберите и вы бурлацки рынки.
Плёшницы, волочайки и скверные б…ки,
Аз вижу как вы теперь ради.
Гремите, гудите, брянчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите!
Свищи весна, свищи красна!
Не можно вам иметь лучшее время,
Спрягся ханский сын, взял хамское племя:
Ханский сын — Квасник, Буженинова — ханка,
Но того не видно кажет их осанка!
О пара! О не стара!
Не жить они станут, но зоблют сахар,
А как он устанет, то другой будет пахарь.

Ей двоих иметь диковинки нету,
Знает она и десять для привету.
Так надлежит новобрачным приветствовать ныне,
Дабы они во все свое время жили в благостыне.
Спалось бы им, да вралось, пилось бы, да елось!
Здравствуйте, женившись, дурак и дурка!
И еще б[ляд]ка, тот и фигурка!

После почти ста сорока лет, отделяющих нас от времени «ледяного дома», шутовских и дурацких свадеб, нам кажется невероятным — каким образом допускалось и в то время произношение подобных виршей (ничем, вероятно, не заслуженных новобрачною) в присутствии Императрицы, всего двора и дипломатов? С трудом приходим мы к пониманию того, какова была тогдашняя грубость нравов, даже придворных, каковы понятия, каковы нервы, каков язык и какова поэзия! Трудно предположить, чтобы можно было даже «в несостоянии ума» написать нечто подобное, таким языком и с таким отсутствием всякого смысла. Также трудно поверить, что тот самый Тредьяковский, столь невозможный в русской прозе и поэзии, мог писать певучие и легкие французские мадригалы, нежные стихотворения с эротическою подкладкою во вкусе того времени…

Когда именно была «дурацкая свадьба»? Ледяной дом строили еще в конце 1739 года, а в марте 1740 г. был великий пост, следовательно, она была или в январе, или в феврале месяце. Четвертого февраля Тредьяковский был позван для заказа ему виршей, а 10 февраля, уже после свадьбы, он подал свою жалобу. По его же, без сомнения, верному и хорошо памятному для него показанию, свадьба происходила в среду, т. е. в первую среду после 4 февраля; это число в 1740 (высокосном) году

приходилось на понедельник, следовательно, свадьба была шестого февраля. Так показывают некоторые исследователи, и так принято указывать в различных перечнях событий в наших календарях; но мы встречаемся еще с современным известием (которое приводим ниже целиком) в «Примечаниях» на «Санкт-Петербургские Ведомости» (ч. 99, от 9 декабря 1740 г.), составленных вероятно, тоже Крафтом, и по которому «забавная свадьба» имела место двенадцатого февраля, следовательно, во вторник на масленице (что двояко запрещается церковными правилами). Трудно полагать, чтобы составитель «Описания ледяного дому» в том же 1740 году мог бы сделать ошибку; но так же трудно не доверять и Тредьяковскому, который хорошо помнил, что в ночь под среду он зубрил свои вирши. Если держаться показания «Санкт-Петербургских Ведомостей», то следует предположить, что Тредьяковский являлся в потешную палату в маске и маскарадном платье только на репетицию (в костюмах свадебного церемониала и поезда, что постоянно в таких случаях бывало. На это даже намекает его показание, что он явился в потешную палату (на слоновом дворе), самое же приветствие, вероятно, должно было быть произнесено за обедом, после венчания, может быть, в самом Ледяном доме. За болезнью и побоями Тредьяковский, может быть, вовсе и не произносил его. Возможно, свадьба действительно состоялась не шестого февраля, а двенадцатого февраля 1740 года.

От этого брака (невесте было 30 лет) у князя Михаила Алексеевича родился 24 ноября того же, 1740 года сын, князь Андрей Михайлович, потомство которого существует до нашего времени и состоит старшим представителем рода князей Голицыных; но княгиня Евд. Ив. скончалась в 1742 году (где?). В конце 1740 года

Императрица скончалась, шутовские потехи отменены ее преемницами, скоморохи были распущены, и нам известно только, что князь Михаил Алексеевич скончался в своих имениях в глубокой старости, 85 лет, в 1775 году, в том же майорском чине. Оставив придворную должность, он вступил в новый (собственно — четвертый) [брак] с Аграфеною Алексеевною Хвостовою (1723–1750), от которого имел трех дочерей и сына.

Такова была печальная судьба лица, предназначенного от колыбели к счастью и почестям, человека, познавшего еще в детстве горечь ссылки и лишений, а в юности образовавшего свой ум и способности, наслаждавшегося благами свободной жизни и образования, затем попавшего в скоморохи и товарищи к Педрилле и Лакосте и на посмеяние всех — венчанного шутовскою, «дурацкою» свадьбою в Ледяном доме, чтобы затем кончить жизнь в глубокой старости и уединении… Без сомнения, позволительно остановиться на минуту и над тем, что сталось бы с тем или другим лицом при ином обороте обстоятельств?.. Относительно князя Михаила Алексеевича мы в таком случае придем к странному выводу: известно из каждого учебника, что во время междуцарствия русский престол имел трех кандидатов: Михаила Федоровича Романова, князя Мстиславского и князя Василия Васильевича Голицына (№ 7). Если бы состоялось избрание последнего, то за бездетностью его преемником ему был бы старший по нем, князь Андрей Иванович (№ 6), у старшего сына которого, князя Ивана Андреевича (№ 10) была только одна дочь, след. преемником его был бы его брат, князь Андрей Андреевич (№ 11), а у последнего старшим сыном был князь Василий Андреевич (№ 13), отец князя Василия Васильевича Великого (№ 18), старшим внуком которого был князь Михаил Алексеевич. Habent sua fata .. et principes, et gentes!..

Такой увеселительный курьез, как постройка Ледяного дома и бывшая в нем дурацкая свадьба, не могли оставаться без хроникера, и вероятно, тогда же сложилось рукописное краткое «Описание» ея, из которого Лажечниковым и взяты для его «Ледяного Дома» подробности о поезде, увеселениях, иллюминации и проч. При этом «Описании» обыкеовенно прилагаются и вирши Тредьяковского.

Спустя десять месяцев мы встречаем «Описание ледяного дома», подписанное В. К. (Вольфганг Крафт), в «Примечаниях на Ведомости С-Петербургские», часть 99, от 9 декабря 1740 года, стр. 293-396», о которых мы уже упоминали выше.

Крафт, Г. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в январе месяце 1740 года Ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей, уборов с приложенными при том гридорованными фигурами, также и некоторыми примечаниями о бывшей в 1740 году во всей Европе жестокой стуже, сочиненное для охотников до натуральной науки. СПб.: Печ. при Имп. Академии Наук, 1741. 36 с. 28,5 х 21,5 см. В глухой издательской обложке. Вложена в составной предохранительный переплет-футляр XIX века. Без гравюр. Утрата страницы 11, 12 — вырвана цензорами. Страницы не разрезаны. Большая редкость. Это издание было напечатано на русском, французском и немецком языках, из них наиболее редкие на русском языке.

Георг Вольфганг Крафт (1701—1754) — русский академик сначала по кафедре общей математики, а потом физики. В истории русского просвещения Крафт замечателен тем, что, кроме статей научного содержания, написал несколько учебников, долго служивших руководствами в академической гимназии. Ледяной дом,

построенный в самом центре Петербурга, на берегу Невы, в лютую зиму 1740 года, можно назвать одной из самых необычных, грандиозных и в то же время бесчеловечных забав XVIII столетия, славившегося как пышностью своих замыслов, так и жестокостью их исполнения. Ледяное чудо, поразившее воображение современников, возвели для увеселения императрицы Анны Иоанновны. Среди множества шутов, живших при её дворе, особой привязанностью Анны Иоанновны пользовались калмычка Авдотья Ивановна Буженинова, прозванная так в честь любимого кушанья императрицы, и пятидесятилетний князь Михаил Алексеевич Голицын. Носитель одной из самых громких в России фамилий попал в шуты, будучи наказанным за тайное венчание с католичкой. Теперь он подавал своей августейшей хозяйке квас и звался Квасник. По злой фантазии кого-то из придворных Авдотья Буженинова и Голицын-Квасник стали подневольными героями скоморошьей свадьбы, придуманной для поднятия настроения императрицы, впавшей в уныние после военных неудач в Польше и Крыму. Очень кстати пришлись небывалые морозы, в ноябре 1739 года сковавшие Европу от Лондона до Москвы и продержавшиеся всю зиму. Камергер А. Д. Татищев предложил воспользоваться холодами, чтобы между Зимним дворцом и Адмиралтейством возвести ледяной дом, в котором «молодые» могли бы провести первую брачную ночь. Сохранилось немало рассказов об этой великолепной варварской забаве. Восхищённые современники взахлёб описывали экзотические наряды несчастных туземцев, ледяные пушки, стрелявшие ледяными ядрами, политые нефтью ледяные дрова, горевшие ярким огнём в ледяном камине, ледяного слона, в котором был спрятан трубач, так что ледяное животное не только

извергало потоки горящей нефти, но при этом ещё и трубило. Однако наибольший восторг обитателей Санкт-Петербурга всех сословий вызвал сам ледяной дом. Чувство это было столь единодушным, что Академия наук поручила академику физики Крафту составить описание ледяного строения. Крафт подошёл к поручению Академии с немецкой скрупулёзностью. Он не только обмерил все доступные ему детали ледяного дворца, но и приказал их зарисовать. В итоге получился детально проработанный чертёж, какого не удостаивались и многие вполне заслуженные архитектурные памятники. Своему труду Крафт предпослал вполне научное обоснование: «Художество употребляет к произведению таких вещей, которые человеческому роду только отчасти пользу, а отчасти увеселение приносить могут, многие различные материи. Лёд между такими материями, над которыми бы искусство свою силу и действо показать могло, по сие время почти никогда или весьма редко счислялся. Но здесь в Санкт-Петербурге мы видели из чистого льда построенный дом, который по правилам новейшей архитектуры расположен и для нарядного своего вида и редкости достоин был, чтоб, по крайней мере, так же долго стоять, как наши обыкновенные дома».

Только благодаря педантизму Крафта нам известны размеры этого строения: 17 м длины, 5,5 м ширины и 6,5 м высоты. Только его стараниями мы знаем, как выглядело внутреннее убранство ледяного дворца. Описание ледяной диковинки готовили одновременно на русском, немецком и французском языках. Тридцать страниц текста сопровождали четыре листа с гравированными изображениями наиболее интересных деталей самого недолговечного из архитектурных шедевров XVIII века. Однако, как ни торопились издатели

с выходом книги, а бурные политические события внесли коррективы в их планы. 17 октября 1740 года скончалась императрица Анна Иоанновна, а 25 ноября 1741 года гвардия возвела на российский престол дочь Великого Петра — Елизавету. Поэтому из только что напечатанного труда Крафта срочно стали изымать страницы с упоминанием имён недавних российских самодержцев, чтобы заменить их другими — более актуальными. Вот почему книга, повествующая о непрочности даже самых совершенных построек изо льда, оказалась свидетельством призрачности власти даже в таких империях, как Российская.

А. И. Маркушевич в своей «Жизни среди книг» пишет о том, что уже во времена издания «Ледяного дома» Лажечникова в 1835 году данная книга была большой редкостью (Маркушевич, А. Жизнь среди книг. М., 1989. С. 87).

Остроглазов, И. Книжные редкости, № 227, Н.Б. Русские книжные редкости, № 143, Об. № 1379, Соп. 5818, Губ. III № 35, Вер. № 408, Бит. № 887, Бурц. IV 695, Бер.-Шир. № 18.

ПОДЛИННОЕ И ОБСТОЯТЕЛЬНОЕ
О П И С А Н И Е

построеннаго
В САНКТПЕТЕРБУРГЕ
в Генваре месяце 1740 года
ЛЕДЯНАГО ДОМА
и
ВСЕХ НАХОДИВШИХСЯ В НЕМ ДОМОВЫХ ВЕЩЕЙ
и уборов
с приложенными при том гридорованными фигурами.

«Художество употребляет к произведению таких вещей, которые человеческому роду отчасти пользу, а отчасти увеселение приносить могут, многие различные материи; и самая натура не производит почти ни одной дорогой или простой вещи, которой бы человек своим остроумием и искусством различными образами некоторой пользы и приятности придать не мог. Лед между такими материями, над которыми бы искусство свою силу и действо показать могло, по сие время почти никогда, или весьма редко счислялся; и коль необходимо нужна и полезна нам жидкость воды, столь неполезна и к делу неспособна казалась твердость оная многим художникам. Хотя от льду и великую пользу получить можно, когда оный воду хотя неплодною, однакож твердою землею делает; когда чрез реки и целые озера на все стороны мосты наводит и когда в глубоких и весьма крепких погребах питья прохлаждает, и не допускает до оных летние теплоты: однакож искусство в том или ничего, или весьма мало себе приписать, и тем похвалиться не может, чтоб сие от его трудов происходило. Одно, сколько мне известно, что искусство над льдом по сие время в действо произвело, есть сие, что оный для его прозрачности иногда вместо стекла употребляло, и из него

или оконницы, или стаканы, в Италии употребительные, или зажигательные стекла делало. В первом случае искусство также почти никакого труда не имело; но, напротив того, во втором и третьем большее показало старание и притом предъявило некоторые опыты, что оно над льдом прилежание свое оказать может. Такие зажигательные ледяные стекла или, свойственнее сказать, зажигательный лед еще не очень давно найдены; по последней мере Аристотель и Плиний, славные в свое время испытатели натуры, ничего о том не знали. Оба ведали, как водою огонь произвести можно, ежели оную в пустом стеклянном шарике держать против солнечных лучей; но что то ж самое и замерзлою водою учинить можно, то было им не известно. В нынешнее время нетрудно оное сделать, а особливо таким образом, как славный французский физик Мариот[1] *описывает. Ибо главное дело состоит только в том, чтоб лед был очень светлый и прозрачный, дабы солнечные лучи свободно сквозь оный проходить могли. А понеже чрез искусство известно, что от воздуху, который в воде находится, лед становится непрозрачен, и пузырьками наполняется, то надлежит из воды прежде замерзания весь воздух выгнать. Сие сделать можно двумя способами, или антлиею пневматическою, или сильным варением. Мариот последний способ употребил, и чистую воду на огне с полчаса варил, дабы тем из воды воздух выгнать. Потом он сию от воздуха очищенную воду, в жестокую стужу на свободной воздух выставя, заморозил, и таким образом получил такой лед, которой почти совершенную прозрачность имел. Для приведения его в такую форму, какая к зажигательному стеклу необходимо потребна, положил он его в небольшой пустому полушару подобный сосуд и держал над горячими угольями, дабы от льду столько оттаяло, сколько потребно было к приведению оного в такую форму, какую*

[1] *Oeuvres de Mr. Mariotte a Leide. 1717. Tomo II. P. 607.*

судно имело. Когда таким способом одна сторона получила надлежащей выпуклой вид, то он то же учинил и другою стороною. Чрез сие получил он такое шару подобное и на обе стороны выпуклое прозрачное тело, которое с зажигательным стеклом совершенное сходство имело. Оное взял он с обеих краев в перчатках, чтоб его от теплоты голых рук не повредить, и таким образом, держа против солнца, происходящею от него зажигательною точкою зажигал порох. Между тем сие подлинно, что такой чрез искусство к зажиганию приготовленный лед равнаго совершенно прозрачному хрустальному зажигательному стеклу действа иметь не может. Ибо всегда еще в нем остаются воздушные пузырьки, которые совершенной его прозрачности препятствуют, а особливо когда воздух из воды одним только варением выгнан был. Равным образом в сделанное из густо выкрашенного стекла зажигательное стекло такого сильного действа не имеет, как белое чистое стекло: однакож оно до тех пор зажигает, пока краска еще не всю прозрачность отняла, что синею краскою довольно густо выкрашенным стеклом легко показать можно, потому что в его зажигательной точке порох от солнца тотчас загорится, хотя некоторые ученые люди, которые того не отведывали, весьма тому поверить не хотели.

В том состоит все то, что искусство изо льду по сие время произвело; для того что оно или для чувствительной рукам стужи работы своей продолжать не могло; или рассуждая, что его труды над такою материею, которая в наибольших частях земного круга весьма не долго держится, напрасны и бесполезны будут. Хотя обе оные причины и довольно важны, однакож оне нас вовсе удержать не могут, чтоб над льдом долотами и резцами более не действовать, дабы чрез то или нечто нечаянное произвести, или о вещах, которые в других небесных телах всегда непременны бывают, подать некоторое понятие. Ибо лед не везде во

всем свете так коротко пребывает, как у нас на земле. Коль подлинно сие, что железо, которое нам труднее других всех металлов растопить, в солнечном теле всегда бы жидкою материею было; и что, ежели бы в солнечном теле жители обретались, то бы они текущим железом мыться и оное пить могли: коль же и сие подлинно, что жители, которых мы в планетах Венере или Меркурии в уме себе представить можем, могли бы равным же образом свинец и олово употреблять: толь подлинно и то, что вода наша, которую мы по большой части видим как жидкое тело, в планете Сатурне всегда бы была камень, подобный твердостию мрамору, которой бы однакож сие свойство имел, чтоб от великого огня растаять мог. Ибо сие необходимо следует, что всегда пребывающая в Сатурне, для его безмерного от солнца отдаления, жестокая стужа гораздо в большем градусе над водою то же производит, что у нас посредственная стужа делает. Итак, ежели в Сатурне есть вода, то оная там не инако, как под образом мрамора быть может: ежели обретаются в оной планете жители, которым бы нужда велела домы себе строить, то бы они, конечно, сей водяной камень на то употребляли: напоследок, ежели бы у нас нашелся художник , которой бы, будучи поощрен награждением от какой-нибудь знатной особы, такую вещь произвел, за которую бы он хотя денег получить не мог; однакож бы тем способствовал к распространению нашего познания и представил бы нам, например, такой увеселительный дом, какой в Сатурне быть может, или бы великолепный столб, которым бы какой-нибудь художник в Сатурне вечно имя свое хотел прославить, от чего бы смотрители некоторое увеселение иметь могли. Жестокая стужа, которую в прошлую зиму 1740 года вся Европа чувствовала, и от которой еще и ныне находятся печальные следы, произвела и в таких местах, где то весьма необыкновенно бывает, такое множество оной материи, о которой я здесь говорю, что трудолюбивые

и тщательные люди приняли от того случай оказать свое искусство над льдом, и чрез то такою вещию, которая нам впрочем вредительна, хотя недействительную пользу, однакож некоторое приятное подать увеселение.

Один пример, о котором я известился, был в Либеке, где господин Порутчик фон Меинерт, пока жестокая стужа продолжалась, перед Голштинскими воротами изо льду льва длиною в 7 футов так искусно изобразил, что оного бы никакой резчик из дерева лучше вырезать не мог. Около сего льва сделал он также изо льду болверк, а на оном 5 пушек, одного солдата в бутку.

Но здесь, в Санкт-Петербурге, художество гораздо знатнейшее дело изо льду произвело. Ибо мы видели из чистого льду построенный дом, которой по правилам новейшей архитектуры расположен, и для изрядного своего виду и редкости достоин был, чтоб по крайней мере таковож долго стоять, как наши обыкновенные домы, или чтоб в Сатурна как в число звезд перенесен был. Первое о строении сего дому похвалы достойное предложение учинил господин Камергер, Алексей Данилович Татищев, а высочайшее на то соизволение и потребное к сему достопамятному строению немалое иждивение происходило от милости и щедролюбия ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА блаженной и Вечнодостойной памяти Государыни Императрицы АННЫ ИОАННОВНЫ, которая великая Монархиня остроумных, и иногда к одному только увеселению склоняющихся трудов своих подданных своею милостию не оставляла. По принятии сего намерения в последних месяцах 1739 году начато было немедленно и со всякою ревностию оное строение сперва на льду Невы реки перед Императорским зимним домом, причем была та способность, что потребные к строению материалы, а именно твердая и жидкая вода там в близости находились. Но как архитектура по большой части чрез прежние многие погрешности в строении до нынешнего своего

совершенства дошла, так тож самое и здесь случилось. Лед Невы реки, которой и тогда не гнется, когда многие тысячи вооруженных людей на нем стоят; когда из больших пушек и мортир на нем стреляют; когда целую крепость, изо льду построенную и гарнизоном обороняемую, наступатели приступом берут, как то лет за семь перед сим для военного увеселения действительно учинено; сей лед, говорю я, начал при возвышении сего строения гнуться, и чрез то показывать, что никакой тягости более нести уже не может: однакож сей случай происходил не столько от чрезвычайной тягости строения, сколько от того, что работа начата была прежде, нежели фундамент потребную твердость получить мог, и что в самое то время оттепель сделалась, которой после чрез всю зиму не было. Между тем сие начатого намерения нимало не остановило, но еще больше ревности к строению ледяного дома возбудило. Потребные к тому материалы Нева река в довольном числе подавала, и надлежало только выбрать такое место, которое бы сие достопамятное строение способнее нести могло. Оное найдено было в знатнейшей части сей столицы, и между двумя весьма достопамятными строениями, а именно между созданною от блаженныя и Вечнодостоиныя памяти Императора ПЕТРА Первого Адмиралитейскою крепостью и построенными от блаженныя ж и Вечнодостоиныя памяти Государыни Императрицы АННЫ новым Зимним домом, который для своего великолепия достоин всякого удивления. На сем месте строение опять началось; самый чистый лед наподобие больших квадратных плит разрубали, архитектурными украшениями убирали, циркулем и линейкою размеривали, рычагами одну ледяную плиту на другую клали, а каждой ряд водою поливали, которая тотчас замерзала и вместо крепкого цемента служила. Таким образом чрез краткое время построен был дом, которой был длиною в 8 сажен, или в 56 Лондонских футов, шириною в 2 сажени с половиною, а вышиною вместе

с кровлею в 3 сажени, и гораздо великолепнее казался, нежели когда бы он из самого лучшего мрамора был построен, для того что качался сделан будто бы из одного куска, и для ледяной прозрачности и синего его цвета на гораздо дражайшей камень, нежели на мрамор походил.

И дабы благосклонный читатель мог о сем чрезвычайном доме, также и о наружном и внутреннем его украшении, и о прочем приборе, которое все из чистого льда сделано было, подлинное и яснее понятие получить, и сколько можно в тогдашнем нашем удовольствии участие иметь, то намерен я с ним каждую оного часть по приложенным здесь гридорованным фигурам рассмотреть. Главное оного дома строение с посторонними украшениями представляет таблица I. Фасад, или лицо дома нум. 1. а план нум. 2. причем находится также и масштаб, на котором наималейшее разделение значит вершки, которых 16 на аршин считают; следующее потом посредственное разделение значит аршины, которых 3 сочиняют сажень; а напоследок самое большое разделение показывает сажени, из которых каждая содержит 7 Лондонских футов. На каждый день всякому позволено было в сие строение ходить и оное смотреть, но от того произошла было беспрестанная теснота, так что вскоре надлежало там караул поставить, дабы оный при чрезвычайном собрании народа, которой туда для смотрения приходил, содержал некоторый порядок. Для помянутой же причины около всего ледяного строения воткнуты были деревянные колышки и соединены брусками, что на табл. I. под нум. 2 под лит. ABCD видно. Напереди перед домом стояло 6 ледяных точеных пушек под лит. E, F, G, H, I, K, табл. I. нум. 2, которые имели колеса и станки ледяныя ж, что и о всем последующем разуметь должно, разве что неледяное случится, о чем именно упомянуто будет. Помянутые пушки величиною и размером против медных трех фунтовых сделаны и высверлены были. Из оных пушек

неоднократно стреляли, в котором случае кладено в них пороху по четверти фунта, а при том посконное или железное ядро закачивали. Такое ядро некогда в присутствии всего Императорского придворного штата в расстояние 60 шагов доску толщиною в два дюйма насквозь пробило. Изображение такой пушки находится на VI. табл. под лит. A. Еще ж стояли в том же ряду с пушками две мортиры под лит. L, M, табл. I. нум. 2, которые на VI. табл. под лит. B. изображены. Оные мортиры сделаны были по размеру модных мортир против двухпудовой бомбы, из которых многократно бомбы бросали, причем на заряд в гнездо по четверти фунта пороху кладено. Напоследок в том же ряду у ворот стояли два дельфина под лит. N, O; табл. I. нум. 2, и под лит. n, o, табл. I. нум. 1, которых изображение показано на VI. табл. под лит. C, и D. Сии дельфины помощию насосов огонь от зажженной нефти из челюстей выбрасывали, что ночью приятную потеху представляло. Позади помянутого ряда пушек и мортир сделаны были около всего дому из ледяных баляс изрядные перилы, между которыми в равном расстоянии четвероугольные столбы стояли, которые на табл I. под нум. 1. и 2 лит. a. означены. Когда на оный дом из близи смотрели, то с удивлением видна была вверху на кровле четвероугольными столбами и точеными статуями украшенная галерея, а над входом преизрядный фронтишпиц, в разных местах статуями украшенный, как сие на табл. I. нум. 1. под лит. bc, de, и cd явствует. Самой дом имел дверные и оконнишные косяки, также и пилястры, выкрашенные краскою наподобие зеленого мрамора. В оном же доме находились крыльцо и двое дверей, как на табл. I. нум. 2, под лит. b. c. видно, при входе в дом были сени (табл. I, нум. a под лит. P), а по обеим сторонам покои (под лит. Q и R) без потолка с одною только крышкою, как сие на табл. II. III. IV. и V. показано. В сенях были четыре окна, а в каждом покое по пяти окон, в которых как рамки,

так и стекла из тонкого чистого льда сделаны были. Ночью в оных окнах неоднократно много свеч горело, и почти на каждом окне видны были на полотне писанные смешные картины, как сие на табл. I. под нум. 1. изображено, причем сияние, сквозь окна и стены проницающее, преизрядный и весьма удивительный вид показывало. В перилах, кроме главного входа (табл. I. нум. 2. под лит. f.), находились еще двое сторонних ворот g, h и на них горшки с цветами и с померанцовыми деревьями; а подле них простые ледяные деревья, листья и ветви ледяные ж имеющие, на которых сидели птицы, что все изрядным мастерством сделано было, как сие на табл. I. нум. 1 под лит. h. и i. изображено. Теперь посмотрим, каким образом убраны были покои. Половина покоя G. (табл. I. нум. 2. на табл. II.) в разрезе представляется тою стороною, где окна (k. и l.) находятся. Тут стоял уборной стол, на котором находились зеркало, несколько шандалов с свечами, которые по ночам, будучи нефтью намазаны, горели, карманные часы и всякая посуда, а на стене висело зеркало. Другая половина покоя G. (табл. I. нум. 2.) в том же виде на табл. III. представляется тою стороною, где окна (m. и n.) находятся. Тут видны были преизрядная кровать с завесом, постелею, подушками и одеялом, двое туфель, два колпака, табурет и резной работы комель, в котором лежащие ледяные дрова, нефтью намазанные, многократно горели. Половина покоя R. (табл. I. нум. 2.) на IV. табл. видна в разрезе тою стороною, которая имеет окно, лит. p назначенное. Там стоял стол, а на нем лежали столовые часы, в которых находящиеся колеса сквозь светлый лед видны были. Сверх сего на столе в разных местах лежали для играния приморожденные подлинные карты с марками. Подле стола по обеим сторонам стояли резной работы два долгих стула, а в углах две статуи. Другая половина покоя R. (табл. I. нум. 2) на V. табл. в разрезе представлена тою стороною, где двери под лит. q. находятся. Тут стоял

по правую руку резной угольный поставец с разными небольшими фигурами; а внутри оного стояла точеная чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда с кушаньем. Все оные вещи изо льда сделаны и приличными натуральными красками выкрашены были.

Наружное и прочее сего дому украшение состояло в следующих вещах. Во-первых, на всякой стороне на пьедестал с фронтишпицом поставлено было по четвероугольной пирамиде, что лит. r, s, на I. табл. под нум. 1. и 2 показывают. Помянутые пирамиды внутри были пусты, которые сзади от дому вход имели. На каждой оных стороне высечено было по круглому окну, около которых снаружи размалеванные часовые доски находились, а внутри осьмиугольный бумажный большой фонарь висел, у которого на каждой стороне всякие смешные фигуры намалеваны были, и в котором ночью свечи горели. Оный фонарь находившийся внутри потайной человек вкруг оборачивал, дабы сквозь каждое окно из помянутых фигур одну за другою смотрители видеть могли.

Второе, по правую сторону дома изображен был слон в надлежащей его величине (табл. I. нум. 1 и 2. лит. t), на котором сидел Персианин с чеканом в руке, а подле его еще два Персианина в обыкновенной человеческой величине стояли. Сей слон внутри был пуст и так хитро сделан, что днем воду вышиною на 24 фута пускал, которая из близко находившегося канала Адмиралитейской крепости трубами приведена была, а ночью с великим удивлением всех смотрителей горящую нефть выбрасывал. Сверх же того мог он как живой слон кричать, который голос потаенной в нем человек трубою производил. Третье, на левой стороне дома (табл. I. нум. 1. и 2. лит. u.) по обыкновению северных стран изо льду построена была баня, которая, казалась, будто бы из простых бревен сделана была, и которую несколько раз топили, и действительно в ней парились.

Такого состояния был сей ледяной дом; и понеже жестокая стужа с начала Генваря месяца по самый Март почти бесперерывно продолжалась, то и оный дом до того ж времени стоял без всякого повреждения. В исходе Марта месяца начал он к падению клониться, и помаленьку особливо с полуденной стороны валиться; причем из обвалившихся льдин самые большие в Императорской ледник отвезены были. Кроме того увеселения, которое сей ледяной дом в каждом смотрителе производил, можем мы оный еще и за действительный физический опыт почесть, который тем больше пользы имеет, что учинен великим числом ледяной материи. В таком рассуждении распространяем мы свое познание, как я уже выше упомянул, и, будучи уверены чрез самое искусство, видим теперь ясно, что изо льду при жестокой стуже можно строить, льдины поливая водою, в скором времени сплачивать, также и лед точишь, сверлить, рубить, красить и способом намазанной нефти огонь производить, а притом еще из оного стрелять, не употребляя того, как некоторые думали, чтоб порох в жестяной трубе туда вкладывать. Все сие познали мы при сем предприятии, и о истине тои совершенно уверены, хотя в немецкой земле некоторые нашлись, которым наибольшая часть вышепомянутого описания невероятна и вымышлена казалась. И сия невероятность час от часу больше возрасти может, чем далее в полуденные страны слух о ледяном доме распространится. Никто тому спорить не может, чтоб огнестрельной порох не имел разрывающей силы, и для того некоторым то неимоверно показалось, что ледяных наших пушек при первом выстреле на мелкие куски не разорвало. Однакож должно рассудить, что разрывающая пороховая сила свое действо к той стороне показывает, где она наималейшее сопротивление находит. И так ежели лед, из которого пушки сделаны, плотнее держится и пороху больше противится, нежели спереди закаченное ядро, а положенный

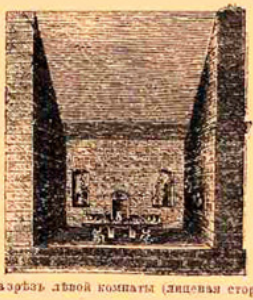
сверх оного пыж, чего заряд каждой пушки всегда требует, то разрывающая пороховая сила обращает свое действо к самой слабой части, и таким образом льду не разрывает. В жестокую стужу и лед наподобие других твердых тел сильное сопротивление показывает; и я сам неложными над ледяными шарами учиненными опытами узнал, что лед нарочитую эластическую силу имеет и оною несколько раздается, а по том опять прежнюю свою величину получает. Еще ж и того отрицать не можно, что огнестрельный порох влажность к себе притягает, и тогда уже не загорается: но твердо замерзлый лед влажности не имеет. Однакож я сам видел, что на лед, из ледника взятый, положенная кучка пороху в солнечное сияние в июле месяце от зажигательного стекла тотчас загорелась.

Не хочу больше медлить и ответствовать на предложенные нам сомнительства, но доволен тем, что правду всего того, что я выше о ледяном нашем доме показал, многие тысячи здесь чрез долгое время видели, чего ради к другому рассуждению приступаю. Без сомнения бы то несказанную пользу учинило, ежели бы такие жестокие зимы, каковы были в 1709 и недавно в 1740 году, заранее предвидеть, и тот год, в которой она опять будет, наперед объявишь можно было. Хотя сие трудно и почти учинить невозможно, однакож могло бы оно служить к некоторым догадкам, ежели бы все зимы, в которые случалась жестокая стужа, в историях записанные замечать и смотреть, не по порядку ли какому, который бы узнать было можно, одна за другою последуют. К сему надлежит еще обстоятельную роспись всех студеных зим иметь, для сочинения которой от давных времен зачавши, многие исторические книги прилежно читать надобно: однакож я здесь некоторый опыт предложу, который, может быть, те, которые в том меня искуснее, гораздо пространнее учинить могут».

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ.

1. Фасадъ Ледянаго дома и видъ шутовской свадебной процессіи.

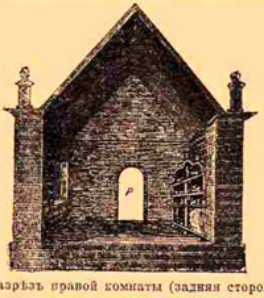
2. Разрѣзъ лѣвой комнаты (лицевая сторона).

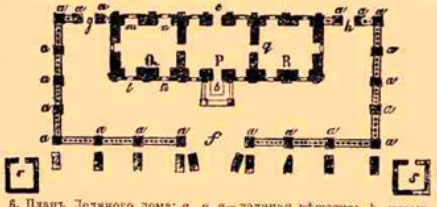
3. Разрѣзъ лѣвой комнаты (задняя сторона).

4. Разрѣзъ правой комнаты (лицевая сторона).

5. Разрѣзъ правой комнаты (задняя сторона).

6. Планъ Ледянаго дома; *a*, *a*, *a*—ледяная рѣшетка; *b*—крыльцо; *P*—сѣни; *R*—правая комната; *Q*—лѣвая комната; *f*—главныя ворота; *g*, *h*—задния ворота; *m*, *n*, *k*, *l*—окна; *c*—задняя дверь; *r*, *s*—пирамиды.

7. Дельфинъ, извергающій нефть.

Продолжает тему Анна Демидова в книге «Голицыны. Главные помещики»:

«Предыстория этого события и дальнейшие курьезные происшествия из жизни Михаила Голицына нашли отражение в романе И. Лажечникова «Ледяной дом», которому автор дал фамилию Кульковский. Вот как романист впервые представляет читателю злосчастного князя:

«У входа в манеж тряслись на морозе Гроснот и нечто в розовом атласном кафтане, которое можно было б изобразить надутым шаром с двумя толстыми подставками в виде ног и с надставкою в виде толстой лысой головы, о которую разбилась бы черепаха, упав с высоты.

В этой голове было пусто; не думаю, чтобы сыскалось сердце и в туловище, если бы анатомировали это нечто, зато оно ежедневно начинялось яствами и питьями, которых достало бы для пятерых едоков. Это нечто была трещотка, ветошка, плевальный ящик Бирона. Во всякое время носилось оно, вблизи или вдали, за своим владыкою. Лишь только герцог продирал глаза, вы могли видеть это огромное нечто в приемной зале его светлости смиренно сидящим у дверей прихожей на стуле; по временам оно вставало на цыпочки, пробиралось к двери ближайшей комнаты так тихо, что можно было в это время услышать падение булавки на пол, прикладывало ухо к замочной щели ближайшей комнаты и опять со страхом и трепетом возвращалось на цыпочках к своему дежурному стулу. Если герцог кашлял, то оно тряслось, как осенний лист. Когда же на ночь камердинер герцога выносил из спальни его платье, нечто вставало с своего стула, жало руку камердинеру и осторожно, неся всю тяжесть своего огромного туловища в груди своей, чтобы не сделать им шуму

по паркету, выползало или выкатывалось из дому и нередко еще на улице тосковало от сомнения, заснула ли его светлость и не потребовала бы к себе, чтобы над ним пошутить. Вы могли видеть нечто у входов Верховного совета, Сената, дворца и даже Тайной канцелярии, когда в них находилась его светлость; на всех церемониалах, ходах, пиршествах и особенно жирных обедах, где только обреталась его светлость. Этот кусок мяса, на котором творцу угодно было начертать человеческий образ, это существо именовалось Кульковским. Высочайшее его благо, высшая пища его духа или пара животного, заключалось в том, чтобы находиться при первом человеке в империи. В царствование Екатерины он находился при Меншикове, в царствование Петра II при Долгоруком, ныне же при Бироне. Так переходил он от одного первого человека в государстве к другому, не возбуждая ни в ком опасения на счет свой и ненависти к себе, во всякое время, при всех переменах, счастливый, довольный своей судьбой. Где был временщик, там и Кульковский; привыкли говорить, что где Кульковский, там и временщик. Сделаться необходимою вещью, хоть плевательницею этого, – вот в чем заключалась цель его помышлений и венец его жизни. И он достиг этой цели: от привычки видеть каждый день то же бесстрастное, спокойное, покорное лицо, Бирон скучал, когда занемогал Кульковский. Всякое утро и вечер первый человек в империи приветствовал его улыбкой, иногда и гримасой, которая всегда принималась за многоценную монету, а если герцог в добрый час расшучивался, то удостоивал выщипать из немногих волос Кульковского два-три седых волоса, которых у него еще не было. Знак этой милости, несмотря на боль, особенно радовал его. Для поощрения ж к дальнейшему ревностному служению

иногда поручали ему первому повестить о награде или немилости, ниспосылаемых герцогом. Кроме этого, во всю жизнь его давали ему, еще при Екатерине, одно важное поручение в Италию; но он, исполнив его весьма дурно, возвратился оттуда католиком. И веру свою переменил он от желания угодить первому человеку в Риме, то есть папе, которого туфли удостоился поцеловать за этот подвиг. О ренегатстве его, скрываемом им в Петербурге, только недавно узнала государыня и искала случая наказать его за этот поступок не как члена благоустроенного общества, а как получеловека, как шута. Надо, однако ж, присовокупить, что он имел достоинство молчать обо всем, что делалось в глазах его и о чем не приказано ему было говорить, хотя б то было о прыщике, севшем на носу его светлости».

Согласитесь, весьма нелицеприятный портрет. Однако следует помнить, что романтическая поэтика требовала от Лажечникова соединения в романе высокой поэтической стихии со стихией гротеска и карикатуры. И изображение Кульковского / Голицына (кроме него, императрицы Анны, Бирона, кабинет-министра Волынского на страницах «Ледяного дома» появляются вице-канцлер и фактический глава Кабинета министров Остерман, фельдмаршал Миних, поэт Тредиаковский) — дань этому программному требованию романтиков. Что касается верности исторических персонажей романа их реальным прообразам, об этом Лажечников высказался в письме Пушкину, который упрекнул романиста в несоблюдении исторической истины. Писатель так сформулировал свой основной творческий принцип: «… историческую верность главных лиц моего романа старался я сохранить, сколько позволяло мне поэтическое создание, ибо в историческом романе истина всегда должна уступить поэзии,

если та мешает этой. Это аксиома». Разумеется, это аксиома эстетики романтической.

В 1739 году Анна Иоанновна, желая забыться от осаждавших ее душевной и телесной болезней, вздумала женить Голицына на своей любимой калмычке Евдокии Ивановне Буженинова (умерла в 1742 г.) и сыграть их свадьбу в ледяном дворце. «Надо было нити его жизни пройти сквозь эту иголку, и он выслушал свой приговор с героическою твердостью, несмотря на поздравления насмешников-пажей, просящих его, как товарища, не лишить их своей дружбы» («Ледяной дом»).

И закипела работа по сооружению ледяного дома. «Между адмиралтейством и Зимним дворцом, как бы по мановению волшебного жезла, встало в несколько дней дивное здание, какого ни одна страна, кроме России, не производила и какое мог только произвесть суровый север наш с помощью жестокой зимы 1740 года, – читаем на страницах романа И. Лажечникова. – Все здание было из воды. Фундамент клался из воды; стены, кровля, стекла, украшения выводились из нее же; все спаявалось водою; вода принимала все формы, какие угодно было затейливому воображению дать ей. И когда солнце развернуло свои лучи на этом ледяном доме, он казался высеченным из одного куска сапфира, убранного фигурами из опала».

Современником «этих ледовитых затей» оказался ученый, академик по кафедре математики, физики, автор статей, учебников Георг Вольфганг Крафт (1701–1754). «Не желая лишить господина Крафта достойной славы или, лучше сказать, боясь вступить с ним в состязание», говоря словами Лажечникова, предоставим «ему самому говорить на немецкий лад о способе постройки, расположении и украшениях любопытного здания».

«Самый чистый лед, наподобие больших квадратных плит, разрубали, архитектурными украшениями убирали, циркулем и линейкою размеривали, рычагами одну ледяную плиту на другую клали и каждый ряд водою поливали, которая тотчас замерзала и вместо крепкого цемента служила. Таким образом чрез краткое время построен был дом, который был длиною в восемь сажен, шириною в две сажени с половиною, а вышиною вместе с кровлею в три сажени.

Напереди перед домом стояло шесть ледяных точеных пушек, которые имели колеса и станки ледяные ж, что и о всем последующем разуметь должно, разве что не ледяное случится, о чем именно упомянуто будет. Пушки величиною и размером против медных трехфунтовых

сделаны и высверлены были. Из оных пушек неоднократно стреляли; в каковом случае кладено в них пороху по четыре фунта, и притом посконное или железное ядро заколачивали. (Такое ядро некогда в присутствии всего императорского придворного штата, в расстоянии шестидесяти шагов, доску толщиною в два дюйма насквозь пробило.) Еще ж стояли в том же ряду с пушками две мортиры. Оные сделаны были по размеру медных мортир против двухпудовой бомбы (Из которых многократно бомбы бросали, причем на заряд в гнездо $^{1}/_{4}$ фунта пороху кладено. — *Лажечников*.) Напоследок в том же ряду у ворот стояли два дельфина. Сии дельфины помощию насосов огонь от зажженной нефти из челюстей выбрасывали, что ночью приятную потеху представляло. Позади помянутого ряду пушек и мортир сделаны были около всего дому из ледяных баляс изрядные перила, между которыми, в равном расстоянии, четвероугольные столбы стояли. Когда на оный дом изблизи смотрели, то с удивлением видна была вверху на кровле четвероугольными столбами и точеными статуями украшенная галерея, а над входом преизрядный фронтишпиц, в разных местах статуями украшенный. Самый дом имел дверные и оконишние косяки, также и пилястры, выкрашенные краскою наподобие зеленого мрамора. В одном же доме находились крыльцо и двое дверей; при входе были сени, а по обеим сторонам покои без потолку, с одною только крышею. В сенях было четыре окна, а в каждом покое по пяти окон, в которых как рамки, так и стекла сделаны были из тонкого чистого льду. Ночью в оных окнах много свеч горело, и почти на каждом окне видны были на полотне писаные смешные картины, причем сияние, сквозь окна и стены проницающее, преизрядный и весьма удивительный вид показывало.

В перилах, кроме главного входа, находились еще двои сторонние ворота и на них горшки с цветами и с померанцевыми деревьями, а подле них простые ледяные деревья, имеющие листья и ветви ледяные ж, на которых сидели птицы, что все изрядным мастерством сделано было.

Наружное, прочее сего дому украшение состояло в следующих вещах. На всякой стороне, на пьедестале с фронтишпицем, поставлено было по четырехугольной пирамиде. Помянутые пирамиды внутри были пусты, которые сзади от дому вход имели. На каждой оных стороне высечено было по круглому окну, около которых снаружи размалеванные часовые доски находились, а внутри осьмиугольный бумажный большой фонарь (со множеством зажженных свечей) висел, у которого на каждой стороне всякие смешные фигуры намалеваны были. Оный фонарь находившийся внутри потаенный человек вкруг оборачивал, дабы сквозь каждое окно из помянутых фигур одну за другою смотрители видеть могли. По правую сторону дома изображен был слон в надлежащей его величине, на котором сидел персианин с чеканом (старинное холодное оружие, состоявшее из заостренного молотка, насаженного на рукоять. – *Авт.*) в руке, а подле его два персианина в обыкновенной человеческой величине стояли. Сей слон внутри был пуст и так хитро сделан, что днем воду, вышиною в двадцать четыре фута, пускал, которая из близ находившегося канала адмиралтейской крепости трубами проведена была, а ночью, с великим удивлением всех смотрящих, горящую нефть выбрасывал. Сверх же того, мог он, как живой слон, кричать, каковый голос потаенный в нем человек трубою производил. Третие, на левой стороне дома, по обыкновению северных стран, изо льду построена была баня, которая, казалось, будто бы из простых бревен сделана была, и которую несколько раз топили, и действительно в ней парились.

Теперь посмотрим, каким образом убраны были покои. В одном из них на одной половине стоял уборный стол, на котором находилось зеркало, несколько шандалов со

свечами, которые по ночам, будучи нефтью намазаны, горели, карманные часы и всякая посуда, а на стене висело зеркало.

На другой половине видны были преизрядная кровать с завесом, постелью, подушками и одеялом, двое туфли, два колпака, табурет и резной работы комель (Камин. – С. В.), в котором лежащие ледяные дрова, нефтью намазанные, многократно горели. В другом покое, по левую руку, стоял стол, а на нем лежали столовые часы, в которых находящиеся колеса сквозь светлый лед видны были. Сверх сего, на столе в разных местах лежали для играния приготовленные карты. Подле стола по обеим сторонам стояли резной работы два долгие стула, а в углах две статуи.

По правую руку стоял резной угольной поставец с разными небольшими фигурами, а внутри оного стояла точеная посуда, стаканы, рюмки и блюда с кушаньем. Все оные вещи изо льду сделаны и приличными натуральными красками выкрашены были».

По правую сторону от дома стоял сделанный в натуральную величину ледяной слон, на котором верхом сидел ледяной персиянин; рядом на земле стояли две ледяные персиянки. Этот слон, пустой внутри, был хитро сделан: днем он пускал воду на высоту почти четыре метра, а ночью, к великому удивлению всего Петербурга, выбрасывал горящую нефть. Более того, ледяной гигант мог кричать как живой слон, благодаря тому, что «потаенной в нем человек трубою производил» соответствующие звуки.

Устройство праздника было поручено кабинет-министру Волынскому. Чтобы сообщить свадебному

действу особый размах и пышность, в столицу выписали по паре представителей всех народов, обитавших в России. Этнографическая пестрота костюмов, национальные песни и пляски должны были не только украсить и разнообразить забаву: они призваны были продемонстрировать императрице и ее иностранным гостям огромность могущественной империи и процветание всех разноплеменных ее жителей.

Вот какое описание необычайной свадьбы дал в своих «Записках» В. А. Нащокин (1707–ок. 1761):

«Да того ж 1740 году была курьезная свадьба. Женился князь Голицын, который тогда имел новую фамилию Квасник, для которой свадьбы собраны были всего государства разночинцы и разноязычники самого подлого народа, то есть вотяки, мордва, черемиса, татары, калмыки, самоеды и их жены, и прочие народы с Украины, и следующие стопам Бахусовым и Венериным, в подобном тому убранстве, и с криком для увеселения той свадьбы.

А ехали мимо дворца: жених с невестою сидел в сделанной нарочно клетке, поставленной на слоне, а прочий свадебный поезд вышеписанных народов с принадлежащею каждому роду музыкалией и разными игрушками следовал на оленях, на собаках, на свиньях. Также курьезные были сделаны сани наподобие зверей и рыб морских, а некоторые в образе птиц странных. А подклеть молодых была в вышеупомянутом ледяном доме, который сделан был в знак отменной от других зим весьма студеной зимы, но при том ледяном доме для оной свадьбы и молодого с молодою сделана была ледяная баня: наподобие бревен оточен был лед и с углами, как бревенчатому быть надлежит; внутри — печь с каменкою; вместо каменья оточеный лед; полки, лавки и принадлежащая к бане посуда — все ледяное, и как во льдяных покоях

молодых положили, тогда баню затопили соломой; одним словом, оная свадьба была убрана великим курьезом, что было всем в удивление. Поезд странным убранством ехал так, что весь народ мог видеть и веселиться довольно, а поезжане каждый показывал свое веселье, где у которого народа какия веселья употребляются, в том числе ямщики города Твери оказывали весну разными высвистами по-птичьи. И весьма то было во удивление, что в поезде при великом от поезжан крике слон, верблюды и весь упоминаемый выше сего необыкновенный к езде зверь и скот так хорошо служили той свадьбе, что нимало во установленном порядке помешательства не было».

На ночь у дверей Ледяного дома встал караул, дабы молодожены не сбежали из отведенных им покоев. Голицын и Буженинова чудом пережили ночь на ледяной кровати и утром вышли живыми из ледяного ада

(литературное предание гласит, что Евдокии Ивановне удалось, подкупив стражу, раздобыть полушубок, и тем самым она спасла себя с мужем от смерти) (Анна Демидова «Голицыны. Главные помещики»).

В браке с Евдокией Ивановной Бужениновой у Михаила Алексеевича родился сын, князь Андрей (1740–1777). В год рождения Андрея новая правительница России Анна Леопольдовна распустила придворных шутов и освободила Голицына от его шутовских обязанностей: она запретила «нечеловеческие поругания» над «дураками», навсегда уничтожив в России позорное звание придворного шута.

И что же дальше: «А что Голицын? О его дальнейшей жизни известно немного. С Бужениновой, ставшей после замужества княгиней, они стали безбедно жить в родовом имении Голицыных — подмосковном Архангельском. До нас дошел портрет, на котором рядом с вальяжным барином сидит маленькая, широкоскулая, "беспородная" особа. С ней, улучшившей свежей азиатской кровью род Голицыных, князь прижил двух сыновей — Андрея и Алексея. В конце 1742 года, при родах Алексея, калмычка скончалась. И уже в 1744 году Михаил Алексеевич обвенчался в четвертый раз с А. А. Хвостовой, бывшей моложе его на целых 45 лет! От этого брака родились три дочери — Варвара, Анна и Елена.

…Сообщим, — пишет дальше Лев Бердников в своем очерке «Квасник-дурак», — лишь достоверные сведения: Михаилу Алексеевичу Голицыну была отпущена очень долгая жизнь — он умер в 1778 (1775 — С.В.) году, 90 лет (78 — С.В.) от роду. Тело его погребено в селе Братовщина, по дороге от Москвы к Троице-Сергиевой Лавре. Историк-этнограф И. М. Снегирев сообщал, что на церковной паперти Братовщины видел

надгробный камень князя, вросший в землю и отмеченный полустертой надписью. Едва ли он сохранился до наших дней. Но своеобразным памятником этому незамысловатому потешнику императрицы стали произведения о нем писателей, историков и, смеем надеяться, и этот наш скромный труд».

Шубинский С. Н. Императрица Анна Иоанновна, придворный быт и забавы. 1730-1740 // Русская старина, 1873. — Т. 7. — № 3. — С. 336-353.

ИМПЕРАТРИЦА АННА ИОАННОВНА, придворный быт и забавы. 1730—1740

Императрица Анна Иоанновна вступила на престол уже в зрелом возрасте, испытав до этого много горя, неприятностей и унижений. С детства не любимая матерью, она выросла на руках мамок, среди распущенной дворни и разного рода ханжей, юродивых и святош, постоянно наполнявших дом царицы Прасковьи Феодоровны, прозванный Петром Великим — госпиталем всевозможных уродов и пустосвятов. Хотя царица и нанимала для своих дочерей учителей-иностранцев: немца Иоанна-Дидриха Остермана и француза Рамбурха, но учение этих педагогов не принесло царевнам никакой пользы; по крайней мере, Анна Иоанновна, несмотря на то, что впоследствии долгое время жила в Курляндии, окруженная немцами, никогда не выучилась говорить по-немецки и только могла понимать, когда при ней говорили на этом языке. Семнадцати лет Анна Иоанновна была выдана замуж за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма и через два месяца

после брака овдовела. Петр Великий поселил молодую вдову в Митаве, под надзором гофмейстера Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, и приказал отпускать ей на содержание из курляндских доходов «столько, без чего прожить нельзя», так что герцогиня всегда нуждалась в деньгах и для приобретения их должна была прибегать к униженным просьбам и **займам**. Раннее и бездетное вдовство в стране слабой, за влияние над которой спорили три сильных соседа, сделало из Анны Иоанновны игрушку политических соображений. Она стала невестой всех бедных принцев, старавшихся получить Курляндию в приданое; планы о ее браке составлялись и разделывались, смотря по отношениям между Россией, Польшей и Пруссией. Положение герцогини, тягостное при ее великом дяде, распоряжавшемся домашними делами племянницы, как своими собственными, не улучшилось ни при Екатерине I, ни при Петре II. Она встречала всюду только одни препятствия и огорчения. За близкие отношения к Бестужеву родная мать, на которую дочь очень походила жестокостью нрава, чуть не прокляла ее; понравился принц Мориц Саксонский, но Меншиков, не взирая на «великие слезы» и мольбы герцогини, расстроил этот брак из своих личных выгод; связь с Бироном повлекла к неприятной истории с Бестужевым и возбудила неудовольствие и оскорбительные выходки курляндской аристократии. Унизительная роль, которую Анне Иоанновне приходилось играть так долго, была особенно чувствительна для нее, одаренной от природы характером жестоким, гордым и властолюбивым. На тридцать седьмом году судьба, казалось, улыбнулась ей: «благородное российское шляхетство» избрало ее императрицей; однако и тут примешалось неожиданное препятствие: вместе с актом избрания депутаты привезли в Митаву ограничительные пункты

и требование, чтоб любимый человек не смел являться в Россию. Наконец, Анне Иоанновне удалось разорвать связывавшие ее путы и сделаться самодержавной; но тут в сердце пожилой императрице, и без того наполненное горькими воспоминаниями, вкралось новое, роковое сомнение: дадут ли спокойно пользоваться властью? Благодаря энергическому движению гвардии пункты, ограничивавшие самодержавие, были уничтожены; но между знатными и сильными людьми осталось много недовольных; при всяком удобном случае к ним могли пристать и другие, а в Голштинии рос опасный соперник — родной внук Петра Великого! Стремясь удержаться на престоле, Анна Иоанновна, по необходимости, должна была сосредоточить власть в руках людей вполне ей преданных, интересы которых были тесно связаны с ее интересами и которым грозила неминуемая беда, если б власть перешла в руки русской знати. Эти люди были иностранцы. Но возвышением иноземцев, и особенно одного из них, не имевшего в глазах народа никаких прав на возвышение, оскорблялись русские. Анна Иоанновна, при своем неоспоримом уме, конечно, сознавала это, и потому не могла быть спокойной. Она жила в постоянном страхе, тревожно и подозрительно осматриваясь по сторонам. Чтобы успокоиться и забыться среди тяжелых обстоятельств жизни, для женщины, не способной, подобно Анне Иоанновне, уходить во внутренний мир души и вызывать оттуда успокоение, оставалось одно средство, — внешние развлечения, празднества, окружение себя существами, которые развлекали бы каждую минуту и гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство.

Русский двор, отличавшийся при Петре Великом своею малочисленностию и простотой обычаев, совершенно преобразился при Анне Иоанновне.

Императрица хотела непременно, чтобы двор ее не уступал в пышности и великолепии всем другим европейским дворам. Она учредила множество новых придворных должностей; завела итальянскую оперу, балет, немецкую труппу и два оркестра музыки, для которых выписывались из-за границы лучшие артисты того времени; приказала выстроить, вместо довольно тесного императорского зимнего дома, большой трехэтажный каменный дворец, вмещавший в себе церковь, театр, роскошно отделанную тронную залу и семьдесят покоев разной величины. Торжественные приемы, празднества, балы, маскарады, спектакли, иллюминации, **фейерверки** и тому подобные увеселения следовали при дворе беспрерывно одни за другими. Любовь императрицы к пышности и блеску не только истощала государственную казну, но вовлекала в громадные расходы придворных и вельмож. «Придворные чины и служители, — говорит в своих записках Миних-сын, — не могли сделать лучшего уважения государыне, как если в дни ее рождения, тезоименитства и коронования, каждогодно праздновавшиеся с великим торжеством, приезжали во дворец в новых и богатых **платьях**». Разумеется, лица, имевшие доступ ко двору, соревнуя друг перед другом, лезли, как говорится, из кожи, чтоб угодить императрице и обратить на себя ее внимание. Многие из них в короткое время проживались совершенно, разоряли свои имения и затем, для добывания средств, обращались к казнокрадству, которое развилось до поражающих размеров. Роскошь и мотовство, поощряемые государыней, стали считаться достоинством, дававшим более прав на почет и возвышение, нежели истинные заслуги. При дворе велись азартные игры и нередко в одну **ставку** в фараон или кинце (Quinze) проигрывалось до двадцати тысяч рублей.

Сама императрица не была пристрастна к игре, и если играла, то для того, чтобы проиграть. В таких случаях она держала банк и ставить могли лишь те, кого она называла. Выигравший тотчас же получал деньги, а с проигравшего императрица никогда не требовала уплаты. Попойки, которыми прежде непременно оканчивались всякие торжества и собрания, теперь были совершенно изгнаны из придворных обычаев, потому что Анна Иоанновна не могла видеть и боялась пьяных. Только один день в году, как исключение, посвящался Бахусу, именно 19-го января, когда праздновалось восшествие на престол императрицы. В этот день каждый из придворных даже был обязан, опустившись на одно колено перед государыней, выпить огромный стакан венгерского вина. Впрочем, случалось иногда, после военных экзерциций или в навечерие больших праздников, что императрица сама подносила по бокалу вина придворным и гвардейским офицерам, являвшимся для целования ее руки. Известно, что господствующей страстью Бирона были лошади. По его желанию знаменитый архитектор Растрелли воздвигнул вблизи дворца огромный манеж или, как тогда называли, «конскую школу», содержание которой обходилось казне ежегодно до 100,000 **рублей**. Анна Иоанновна, посещавшая манеж сперва из угождения своему любимцу, потом сама пристрастилась к лошадям и, несмотря на свои сорок лет и полноту, даже выучилась ездить верхом. В манеже для нее была отделана особая комната, где она нередко занималась делами и давала аудиенции. Кроме того, императрица очень любила охоту и стрельбу из ружей, в чем приобрела такую сноровку, что без промаха попадала в цель и на лету убивала птиц. Во внутренних покоях Анны Иоанновны всегда стояли заряженные ружья, из которых она стреляла

через окна в мимолетавших ласточек, воробьев, галок и т. п. В Петергофе и других окрестностях Петербурга были выстроены зверинцы, наполненные всякого рода туземными и чужеземными зверями и птицами. Всем верноподданным именными указами вменялось в непременную обязанность ловить, размножать и присылать в императорские зверинцы диких животных. При дворе была учреждена призовая стрельба, а в галерее дворца устроен тир, где зимними вечерами, при ярком освещении, Анна Иоанновна практиковалась из винтовки. «Санкт-Петербургские Ведомости» того времени изобилуют известиями об охотничьих подвигах императрицы.

Анна Иоанновна присутствовала постоянно на всех придворных увеселениях; но более всего любила проводить время в комнатах своего любимца или у себя в опочивальне, среди своих шутов и приживалок, которых состояло при ней множество. Они были обязаны болтать без умолку, и императрица просиживала целые часы, забавляясь их болтовней и кривляньями. Личностей, обладавших завидным для многих из тогдашних придворных даром говорить, не уставая, всякий вздор, разыскивали по всей России и немедленно препровождали ко двору. В государственном архиве сохранилось несколько собственноручных писем Анны Иоанновны, доказывающих заботливость ее о пополнении своего интимного штата разными болтуньями и дурами. Так, например, императрица писала в Москву: «У вдовы Загряжской, Авдотьи Ивановны, живет одна княжна Вяземская, девка; и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтоб она не испужалась, то объяви ей, что я беру ее из милости, и в дороге вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы, как сказывают, что она много говорит». В другой раз государыня писала

в Переяславль: «Поищи в Переяславле из бедных дворянских девок или из посадских, которые бы похожи были на Татьяну Новокщенову, а она, как мы чаем, что уже скоро умрет, то чтоб годны были ей на перемену; ты знаешь наш нрав, что мы таких жалуем, которые бы были лет по сорока и также б говорливы, как та, Новокщенова, или как были княжны Настасья и Анисья» (Мещерские).

В свои фрейлины Анна Иоанновна выбирала преимущественно таких девиц, которые имели хорошие голоса. В те вечера, когда при дворе не назначалось никаких увеселений, фрейлины должны были сидеть в комнате, соседней с опочивальной императрицы, и заниматься разными рукоделиями, вышиванием и вязанием. Позабавившись с шутами и приживалками, Анна Иоанновна обыкновенно отворяла дверь в комнату фрейлин и говорила: «Ну, девки, пойте!» и девки пели до тех пор, пока государыня не кричала: «Довольно!» Иногда Анна Иоанновна требовала к себе гвардейских солдат с их женами и приказывала им плясать по-русски и водить хороводы, в которых нередко принимали участие присутствовавшие вельможи и даже члены царской фамилии. Императрица не чуждалась и литературных забав: узнав как-то, что известный профессор элоквенции, В. К. Тредьяковский, написал стихотворение игривого содержания, она призвала автора к себе и велела ему прочитать свое произведение. Тредьяковский, в одном из своих писем, следующим образом рассказывает об этом чтении: «Имел счастие читать государыне императрице у камина, стоя на коленях перед ее императорским величеством; и по окончании оного чтения удостоился получить из собственных ее императорского величества рук всемилостивейшую оплеушину».

Анна Иоанновна вообще была очень строга к своим приближенным и обращалась с ними крайне сурово. Так, например, однажды две фрейлины, сестры Салтыковы, которых она заставила петь целый вечер, осмелились, наконец, заметить ей, что они уже много пели и устали. Императрица, не терпевшая никаких возражений, до такой степени разгневалась на бедных девушек, что тут же прибила их и отправила на целую неделю стирать белье на прачешном дворе. В другой раз Анна Иоанновна, находясь не в духе, вздумала рассеять себя зрелищем какого-то танца. Она тотчас же послала за четырьмя, известными в то время, петербургскими красавицами и приказала им исполнить танец в своем присутствии. Дамы начали танцевать, но, смущенные грозным видом государыни, смешались, перепутали фигуры и в нерешимости остановились. Императрица молча поднялась со своего кресла, подошла к помертвевшим от страха танцоркам, отвесила каждой по пощечине и затем, возвратясь на место, велела снова начать танец. Анна Иоанновна весьма благоволила к статс-даме графине Авдотье Ивановне Чернышевой, умевшей хорошо рассказывать разные городские новости и анекдоты; но, несмотря на это, никогда не позволяла ей садиться при себе. Однажды Чернышева, разговаривая с императрицей, почувствовала себя нехорошо и едва могла стоять на ногах. Анна Иоанновна, заметив это, сказала своей собеседнице: «Ты можешь опереться на стол, служанка заслонит тебя и, таким образом, я не буду видеть твоей позы».

Шуты при дворе Анны Иоанновны не имели того значения, которым пользовались при Петре Великом. Петр держал шутов не для собственной только забавы и увеселения, но как одно из орудий насмешки, употреблявшейся им иногда против грубых предрассудков

и невежества, коренившихся в тогдашнем обществе. Шуты Петра очень часто резкой и ядовитой остротой клеймили пороки и обнаруживали злоупотребления лиц, даже самых близких к государю. Когда вельможи жаловались Петру на слишком бесцеремонное обхождение шутов, он отвечал: «Сто вы хотите, чтобы я с ними сделал? ведь они дураки!» Шуты Анны Иоанновны не смели никому высказывать правды в глаза и, по доброй воле или принуждению, исполняли роль простых скоморохов, потешая свою повелительницу забавными выходками, паясничеством, сказками и прибаутками. По свидетельству Державина, всякий раз, как императрица слушала обедню в придворной церкви, шуты ее садились в лукошки в той комнате, чрез которую ей нужно было проходить во внутренние покои, и кудахтали, подражая наседкам. Иногда государыня заставляла их становиться гуськом, лицом к стене и по очереди толкать один другого из всей силы; шуты приходили в азарт, дрались, таскали друг друга за волосы и царапались до крови. Императрица, а за ней и весь двор, восхищались таким зрелищем и помирали со смеху. Раз кто-то из шутов, чувствуя себя не совсем здоровым, отказался от подобной забавы и был за это немедленно и жестоко наказан батогами. Анна Иоанновна учредила для поощрения и награждения своих шутов особый миниатюрный орден «св. Бенедикта», весьма похожий на крест св. Александра Невского и носившийся в петлице на красной ленте.

Всех придворных шутов при императрице находилось шесть человек: Балакирев и д›Акоста, наследованные ею от Петра Великого, Педрилло, граф Апраксин, князь Волконский и князь Голицын.

Иван Емельянович Балакирев, сын бедного дворянина, был сперва стряпчим в Хутынском монастыре,

близ Новгорода, а потом, вытребованный в 1718 году наравне с другими дворянами в Петербург на службу, определен «к инженерному учению». В столице он случайно познакомился с царским любимцем, камергером Монсом, понравился ему своим веселым характером, балагурством и находчивостию и сделался его домашним человеком. Монс, уже владевший тогда сердцем императрицы Екатерины I, доставил Балакиреву место придворного камер-лакея, сносился через него с царицей, поручал ему выведывать и выслушивать придворные новости и разговоры и при его содействии продавал разным лицам свои услуги и заступничество. Прикинувшись шутом, бывший стряпчий сумел обратить на себя внимание Петра Великого и получил право острить и дурачиться в его присутствии. Однако Балакиреву пришлось не долго пользоваться выгодами своего нового положения. Арестованный в 1724 году вместе с Монсом, он подвергся пытке и за «разныя плутовства» наказан нещадно батогами и сослан в Рогервик, в крепостные работы. По вступлении на престол Екатерины I Балакирев был возвращен из ссылки и определен в Преображенский полк солдатом. Несмотря на все старания и хлопоты, он только в царствование Анны Иоанновны попал снова ко двору и получил звание придворного шута. Многочисленные анекдоты о нем, изданные несколько раз и во множестве экземпляров, большею частию выдуманы или заимствованы из польских книжонок подобного же содержания. По крайней мере, ни один из современных Петру Великому писателей, рассказывая о царских забавах и шутах, даже не упоминает имени Балакирева.

Ян д›Акоста, португальский жид, несколько лет странствовал по Европе, перебиваясь мелкими аферами; держал маклерскую контору в Гамбурге и наконец

пристал в качестве шута к бывшему там русскому резиденту, с которым и приехал в Россию. Смешная фигура, уменье говорить понемногу на всех европейских языках и свойственная еврейскому племени способность подделаться и угодить каждому, доставили ему скоро место придворного шута. Он был чрезвычайно хитер и превосходно знал священное писание. Петр Великий особенно благоволил к д›Акосте, любил вступать с ним в богословские споры и дал ему привилегию получать тысячу **рублей** за каждый раз, когда государь забыл бы провозгласить тост за здоровье «семьи Ивана Михайловича» (Головина), т. е. русского флота. Тост этот полагалось пить на всех празднествах, и он, конечно, никогда не забывался, потому что царские денщики должны были постоянно напоминать о нем императору. Петр подарил д'Акосте безлюдный и песчаный остров Соммерс, один из средних островов Финского залива, а впоследствии наградил его за усердную шутовскую службу титулом «самоедского короля».

Пьетро-Мира, обыкновенно звавшийся сокращенно Педрилло, родом неаполитанец, явился в Россию в начале царствования Анны Иоанновны петь роли буффа и играть на скрипке в придворной итальянской опере. Не поладив, однако, с главным оперным капельмейстером Арайео, сметливый Педрилло перечислился в придворные шуты и так удачно исполнял свою новую обязанность, что в короткое время сделался любимцем императрицы и сумел скопить себе изрядный капиталец, с которым потом благоразумно удалился восвояси. Ловкость Педрилло в наживании денег можно видеть из следуюшего анекдота: по каким-то рассчетам он женился на очень невзрачной девушке; Бирон, желая, однажды, посмеяться над ним по этому поводу, спросил его: «Правда ли, что ты женат на козе?» — «Не только

правда, — отвечал находчивый шут, — но жена моя беременна и должна на днях родить; я смею надеяться, что ваше высочество будете столь милостивы, что не откажете, по русскому обычаю, навестить родильницу и подарить что-нибудь на зубок младенцу». Бирон захохотал и обещал исполнить его просьбу. Через несколько дней Педрилло пришел к Бирону с радостным лицом и объявил, что жена его — коза благополучно разрешилась от бремени и напомнил об обещании. Выходка эта очень понравилась Анне Иоанновне. Она приказала Педрилло лечь в постель вместе с козой и пригласила весь двор навестить его и поздравить с семейной радостию. Каждый, разумеется, был обязан класть подарок под подушку шута, который приобрел, таким образом, в одно утро несколько тысяч **рублей**.

Кроме официальной должности придворного шута Педрилло исполнял еще разные другие поручения императрицы. Через его посредство выписывались иногда из Италии певцы и певицы для итальянской труппы и покупались для двора драгоценные камни и различные безделушки. С этою целью он неоднократно посылался за границу и даже вступал в переписку с владетельными особами. Когда в 1735 году испанцы вторглись в Тоскану, управляемую слабоумным и развратным герцогом Гастоном Медичи, и европейские державы, для избежания войны, постановили, на выгодных для каждой условиях, передать Тоскану, по смерти бездетного Гастона, лотарингскому дому, то Анна Иоанновна, желая, по всем вероятиям, воспользоваться и на свою долю этим обстоятельством, поручила Педрилло устроить покупку, по дешевой цене, знаменитого тосканскаго алмаза. По приказанию ее шут обратился к герцогу с весьма оригинальным письмом:

«Королевское высочество! — писал он, — я поныне должность мою исполнить и к вашему высочеству писать пренебрег; но понеже сия оказия ныне подается, чтоб ее императорскому величеству, моей самодержице служить, привлекает меня вас сим утруждать. И тако объявляю, что понеже здесь получена ведомость, что владение вашего королевского высочества вступлением неприятельских войск едва не разорено, а именно: от вандальских войск, которые свирепыми и жестокими своими поступками, разоряя земли и требуя великие контрибуции, в бедственное состояние приводят подданных ваших. Того ради, для облегчения вашего от толикого нападения, представляю вам со стороны сей августейшей моей императрицы 15,000 российского войска, да аван-гвардию 40,000 казаков и калмыков; и надеюсь, что, по прибытии сего храброго войска, гишпанские войска стараться будут уходить спастись и всю свою храбрость для безопасения среди Африки содержать, а генерал Монтемар и весь гишпанский двор и в Мадрите не без опасности будут. Однакож, надлежит для содержания сих храбрых войск, чтоб ваше королевское высочество приказал приготовить довольное число самой крепкой гданской водки, такой, какую ваше королевское высочество пивал, будучи в Богемии, и оною охотно напивался до пьяна. Соблаговолите принять мое предложение и увидите, что владение ваше восстановится, подданные ваши веселиться станут и жизнь вашего королевского высочества двадцать лет еще продолжится. Чаю ж я, что, по причине текущего бедствия казна ваша истощена деньгами и для того представляю вам купить ваш самобольшой алмаз, о котором слава происходит, что больше его в Италии не имеется; ежели недорогою ценою оный продать намерены, то я вам купца нашел,

ибо (правду вам сказать) и я хочу малою прибылью попользоваться. Ее императорское величество намерена тот алмаз купить и деньги за оный заплатить; но изволит, чтоб я себя купцом представил и торговал. Я бы надеялся, что ваше королевское высочество, не имея наследников, не пренебрежет сею оказиею, и продажею сего алмаза к ненужде себя приведет, понеже великий Бог ведает, кому, после преставления вашего, имение ваше достанется. Я вам сие представляю, как истинный неаполитанец и добрый приятель, и чаю, что таким и от вашего короловского высочества признан буду. Без замедления соблаговолите ответ мне дать и решительно намерение свое объявить, чтоб я мог деньги и вышесказанные войска приготовить и бездельникам-гишпанцам напуск дать.

Ее императорскому величеству учиненное от вашего королевского высочества чрез меня устное поздравление объявил я, как о сем многократно вы, в бытность мою в Италии, приказывали; и сия моя августейшая государыня с такою ж склонностию ответствует и повелела мне поздравить ваше королевское высочество и желать вам всякого многолетнего благополучия, так, чтоб могли пить чрез многие лета вкусные пития: монте пульциана, гианти, вердеи, мускателла и проч. А чтоб весело жизнь свою провождать, вам надобно так поступать, как моя августейшая императрица, которая всегда веселится операми, комедиями, балами, интермедиями, приватною музыкой, фейерверками, катанием, преобразительными машинами и всеми теми приятными видами, каковы от сих забав происходят. Хотя мы находимся в самом Норде, однакож, при сем дворе имеются такие забавы, какие могут быть при первых европейских дворах, несмотря ни на какое иждивение. Ваше королевское высочество может сим примером

пользоваться. Впрочем, имею честь нарицаться и с самым глубочайшим и покорнейшим решпектом пребыть вашего королевского высочества покорнейший и послушнейший слуга. Петр Мира. С.-Петербург, января в 13-й день, 1736 г.».

Неизвестно, последовал ли ответ на это письмо и привели ли к какому-нибудь результату переговоры Педрилло с тосканским герцогом. Странный выбор корреспондента объясняется, отчасти, личным знакомством его с герцогом (как это можно заключить из некоторых выражений в письме) и слабоумием Гастона, которому предполагалось, вероятно, достаточным обещать несколько лишних тысяч червонцев, чтоб выгодно уладить дело.

Камергер князь Никита Федорович Волконский попал в число шутов из личной мести государыни к жене его, Аграфене Петровне, рожденной Бестужевой-Рюминой, отличавшейся умом, светским образованием и беспокойным характером. Ненавидя дочерей царя Иоанна Алексеевича, и в особенности Анну Иоанновну, она, в царствование Петра II, причинила им много неприятностей. В 1728 году княгиня Аграфена Петровна за тайные политические сношения свои с австрийским послом, графом Рабутином, и другие придворные интриги была сослана, по распоряжению верховного тайного совета, в заточение в Тихвинский монастырь. Анна Иоанновна, вступив на престол, отмстила своему уже бессильному врагу унижением любимого ею мужа. Князь Никита Федорович, человек пожилой и болезненный, был назначен шутом и получил приказание ухаживать и смотреть за левреткой государыни.

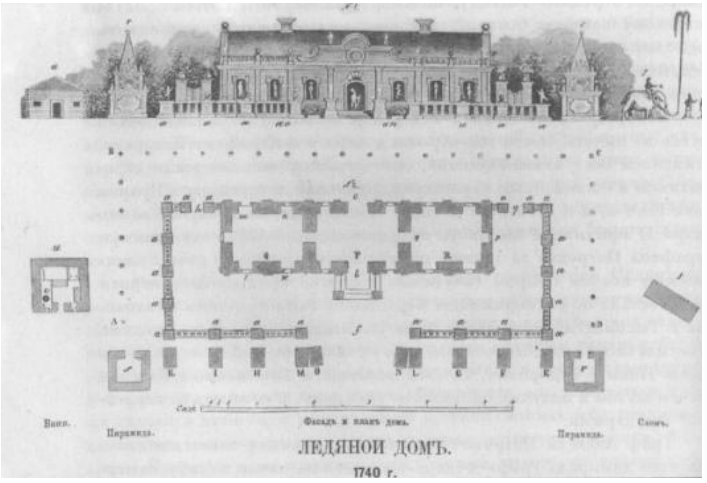
Граф Алексей Петрович Апраксин, племянник известного петровского адмирала, графа Федора Матвеевича, начал службу камер-юнкером при Екатерине I и

в 1729 году женился на княжне Елене Михайловне, дочери князя Михаила Алексеевича Голицына, о котором будет сказано далее. Увлеченный примером и убеждениями тестя, Апраксин принял католическую веру и, в наказание за это, был сделан шутом. Он, впрочем, нисколько не тяготился своей унизительной ролью и исполнял ее с редким усердием почти до самой кончины, последовавшей в 1743 году. «Граф Никита Иванович Панин, — замечает Порошин в своих записках, — рассказывал о шуте императрицы Анны Иоанновны, графе Апраксине, что он несносный был шут, обижал всегда других и за то часто бит бывал».

Князь Михаил Алексеевич Голицын, внук знаменитого боярина и любимца царевны Софии, Василья Васильевича, и сын пермского наместника, князя Алексея Васильевича, родился в 1679 году, за несколько дней до того, как дед и отец его, лишенные чинов и поместий, были отправлены в ссылку в Пинегу. Когда князь Михаил Алексеевич достиг совершеннолетия, Петр Великий определил его солдатом в полевые полки, где он, на сороковом году от рождения, с трудом достиг чина майора. Потеряв в 1729 году первую жену — Марфу Максимовну, рожденную Хвостову, от которой имел сына князя Алексея, умершего бездетным в 1758 году, и дочь Елену, вышедшую замуж за графа Апраксина, Голицын испросил себе позволение ехать путешествовать за границу. Во время пребывания своего во Флоренции он влюбился в одну итальянку низкого происхождения, женился на ней и, по ее внушению, перешел в католическую веру. По приезде в Россию князь Михаил Алексеевич жил в Москве, тщательно скрывая от всех жену и перемену религии; но обстоятельство это скоро обнаружилось и дошло до сведения императрицы. Голицын был привезен в Петербург и посажен в

тайную канцелярию. По приказанию Анны Иоанновны брак его был расторгнут, жена выслана за границу, а сам он разжалован в «пажи» и назначен придворным шутом. Несчастный не имел настолько твердости характера, чтоб предпочесть смерть позору, — и сел в лукошко у дверей того самого царского кабинета, в который родственники его гордо входили без доклада. Голицыну, в числе прочих шутовских обязанностей, было поручено подавать императрице квас, вследствие чего придворные прозвали его «квасником». Прозвищем этим он именовался даже в официальных бумагах того времени.

В числе приживалок Анны Иоанновны находилась одна калмычка, Авдотья Ивановна, пользовавшаяся особенным благоволением императрицы и носившая, в честь ее любимого блюда, фамилию «Буженинова». Калмычка эта, уже не молодая и очень некрасивая собой, как-то в разговоре выразила Анне Иоанновне охоту выйти замуж. Посмеявшись над таким желанием, императрица спросила Буженинову, есть ли у нее в виду жених, и, получив отрицательный ответ, сказала, что берет на себя устройство ее судьбы. На другой же день Голицыну было объявлено, что государыня нашла для него невесту, и чтоб он готовился к свадьбе, все расходы которой ее величество принимает на свой счет. Мысль императрицы — женить шута на шутихе — встретила полное сочувствие в кругу ее приближенных. Камергер Татищев подал идею — построить для этой цели на Неве дом изо льда и обвенчать в нем молодых «курьезным образом». Немедленно была составлена, под председательством кабинет-министра Волынского, особая «маскерадная коммиссия», которой поручен высший надзор и скорейшее исполнение предложения Татищева.

Комиссия избрала для постройки «Ледяного дома» место на Неве, между Адмиралтейством и Зимним дворцом. Материалом при постройке служил только чистый лед; его разрубали большими плитами, клали их одну на другую и для связи поливали водою. Архитектура дома была довольно изящна. Он имел восемь сажень в длину, две с половиной в ширину и три в вышину. Кругом всей крыши тянулась сквозная галерея, украшенная столбами и статуями; крыльцо, с резным фронтисписом, вело в сени, разделявшие здание на две большие комнаты; сени освещались четырьмя, а каждая комната — пятью окнами со стеклами из тончайшего льда. Оконные и дверные косяки и простеночные пилястры были выкрашены зеленою краскою, под мрамор. За ледяными стеклами стояли писанные на полотне «смешные картины», освещавшиеся по ночам изнутри множеством свеч. Перед домом были расставлены шесть ледяных трехфунтовых пушек и две двухпудовые мортиры, из которых не раз стреляли. У ворот, сделанных также из льда, красовались два

ледяные дельфина, выбрасывавшие из челюстей, с помощью насосов, огонь от зажженной нефти. На воротах стояли горшки с ледяными ветками и листьями. На ледяных ветках сидели ледяные птицы. По сторонам дома, на пьедесталах с фронтисписами, возвышались остроконечная, четырехугольные пирамиды. В каждом боку их было устроено по круглому окну, около которых снаружи находились размалеванные часовые доски. Внутри пирамид висели большие, бумажные, восьмиугольные фонари, разрисованные «всякими смешными фигурами». Ночью в пирамиды влезали люди, вставляли свечи в фонари и поворачивали их перед окнами, к великой потехе постоянно толпившихся здесь зрителей. Последние с любопытством теснились также около стоявшего по правую сторону дома ледяного слона в натуральную величину. На слоне сидел ледяной персиянин, двое других таких же персиян стояли по сторонам. «Сей слон, — рассказывает очевидец, — внутри был пуст и столь хитро сделан, что днем воду вышиною на двадцать-четыре фута пускал; ночью, с великим удивлением всех смотрителей, горящую нефть выбрасывал. Сверх же того, мог он, как живой слон, кричать, который голос потаенный в нем человек трубою производил».

Внутреннее убранство дома вполне соответствовало его оригинальной наружности. В одной комнате стояли: туалет, два зеркала, несколько шандалов, карманные часы, большая двуспальная кровать, табурет и камин с ледяными дровами. В другой комнате были: стол резной работы, два дивана, два кресла и резной поставец, в котором находилась точеная чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда. В углах этой комнаты красовались две статуи, изображавшие купидонов, а на столе стояли большие часы и лежали карты с марками. Все эти вещи, без исключения, были весьма искусно сделаны изо льда и выкрашены «приличными натуральными красками». Ледяные дрова и свечи намазывались нефтью и горели. Кроме этого, при «Ледяном доме», по русскому обычаю, была выстроена ледяная же баня; ее несколько раз топили и охотники могли в ней париться.

По именному высочайшему повелению, к «курьезной» свадьбе Голицына с Буженинoвой были доставлены в Петербург, из разных концов России, по два человека обоего пола всех племен и народов, подвластных русской государыне. Всего набралось триста человек. Маскарадная комиссия снабдила каждую пару местной народной одеждой и музыкальным инструментом.

6-го февраля 1740 года, в день, назначенный для празднества, после бракосочетания сиятельного шута, совершенного обычным порядком в церкви, разноплеменные «поезжане» потянулись со сборного пункта длинным поездом. Тут были: абхазцы, остяки, мордва, чуваши, черемисы, вятичи, самоеды, камчадалы, якуты, киргизы, калмыки, хохлы, чухонцы и множество других «разноязычников и разночинцев», каждый в

своем национальном костюме и с своей прекрасной половиной. Одни ехали на верблюдах, другие — на оленях, третьи — на собаках, четвертые — на волах, пятые — на козлах, шестые — на свиньях и т. д., «с принадлежащею каждому роду музыкалиею и разными игрушками, в санях, сделанных на подобие зверей и рыб морских, а некоторые — в образе птиц странных». Шествие открывали «молодые», красовавшиеся в большой железной клетке, поставленной на слоне.

Свадебный поезд, управляемый Волынским и Татищевым, с музыкою и песнями, проехав мимо дворца и по всем главным улицам, остановился у манежа герцога курляндского. Здесь, на нескольких длинных столах, был приготовлен изобильный обед, за которым каждая пара имела свое народное блюдо и свой любимый напиток. Во время обеда Тредьяковский приветствовал молодых следующим стихотворением:

«Здравствуйте, женившись, дурак и дурка.
Еще... тота и фигурка!
Теперь-то прямое время нам повеселиться,
Теперь-то всячески поезжанам должно беситься.
Квасник — дурак и Буженинова...
Сошлись любовию, но любовь их гадка.
Ну, мордва, ну, чуваши, ну, самоеды!
Начните веселье, молодые деды!
Балалайки, гудки, рожки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рынки.
Ах, вижу, как вы теперь рады!
Гремите, гудите, брянчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите!
Свищи весна, свищи красна!
Невозможно вам иметь лучшее время:
Спрягся ханский сын, взял ханское племя.

Ханский сын Квасник, Буженинова ханка.
Кому того не видно, кажет их осанка.
О пара! о не стара!
Не жить они станут, но зоблить сахар.
И так надлежит новобрачных приветствовать ныне
Дабы они все свое время жили в благостыне:
Спалось бы им да вралось, пилось бы да елось.
Здравствуйте ж, женившись, дурак и дурка,
Еще... тота и фигурка!»

После обеда «разноязычные» пары плясали каждая свою национальную пляску под свою национальную музыку. Потешное зрелище это чрезвычайно забавляло императрицу и вельможных зрителей. По окончании бала пестрый поезд, предшествуемый по-прежнему «молодыми», восседавшими в клетке на слоне, отправился в «Ледяной дом», который горел огнями, эффектно дробившимися и переливавшимися в его прозрачных стенах и окнах; ледяные дельфины и ледяной слон метали потоки яркого пламени; «смешные» картины в пирамидах вертелись, к полному удовольствию многочисленной публики, встречавшей новобрачных громкими криками.

Молодых с различными церемониями уложили на ледяную постель, а к дому приставили караул, из опасения, чтоб счастливая чета не вздумала раньше утра покинуть свое не совсем теплое и удобное ложе...

Через девять месяцев после «курьезного» праздника императрица Анна Иоанновна скончалась, завещав, как известно, русский престол племяннику своему, принцу Брауншвейгскому, Иоанну Антоновичу. За малолетством последнего управление государством перешло в руки матери его, принцессы Анны Леопольдовны, женщины доброй, мягкой, обладавшей прекрасными душевными качествами. Анна Леопольдовна в первый же день своего правления уволила всех шутов, наградив их приличными подарками. С этого времени официальное звание «придворного шута» уничтожилось навсегда. Хотя потом шуты и продолжали появляться при дворе, но уже под другим именем и не в шутовской одежде. В заключение нам остается сказать несколько слов о дальнейшей судьбе князя Михаила Алексеевича Голицына.

В 1741 году он удалился в Москву, где его жена-калмычка вскоре умерла. От нее он имел двух сыновей:

князя Алексея, умершего холостым, и князя Андрея, женившегося на Анне Федоровне Хитрово и оставившего многочисленное потомство. В 1744 г. князь Михаил Алексеевич обвенчался, в четвертый раз, с Аграфеной Алексеевной Хвостовой и прижил с ней трех дочерей: Варвару и Елену (младшую), умерших в девицах, и Анну, вышедшую замуж за отставного поручика конной гвардии Федора Григорьевича Карина, составившего себе в исходе прошлого столетия некоторую известность литературными трудами. Князь Михаил Алексеевич скончался в 1778 (1775 — С.В.) году в глубокой старости. Тело его погребено в селе Братовщине, по дороге от Москвы в Троице-Сергиеву Лавру.

С. Н. Шубинский

От редакции

Настоящий очерк составлен и помещен для того, чтобы напомнить читателям «Русской Старины», среди каких обстоятельств, для чьей потехи и образчиком какого рода нравов и обычаев было сооружение пресловутого «Ледяного дома» 1740 г. Тщательно выполненные рисунки этой замечательной постройки впервые появляются в нашей печати после 1741 г.; говорим впервые потому, что политипажи, изображавшие ее, с того времени были или крайне плохи, или даже не полны.

Весь склад нравов и обычаев двора императрицы Анны Иоанновны представляет в высшей степени благодарный сюжет для таланта художника, как исторического романиста, так и исторического живописца. Это как нельзя лучше понял один из самых замечательных современных русских художников, профессор В. И. Якобий,

избравший предметом для своей последней картины «Утро во дворце Анны Иоанновны в 1740 г.». Картина эта известна весьма многим жителям Петербурга, посещавшим мастерскую художника. Картина в три аршина длины и два аршина высоты включает в себе до 26-ти лиц, из которых, за исключением двух-трех фигур, все остальные суть исторические портреты. Так как это новое произведение кисти г. Якобия, вероятно, скоро сделается всем известным, то мы считаем не лишним, хотя в нескольких словах, передать сюжет картины. В обширной спальне государыня Анна Иоанновна лежит на постели, она недомогает. Подле постели, в небрежной позе, сидит в кресле Бирон и чистит себе ногти. На ухо ему шепчет начальник страшной тайной канцелярии, генерал Андрей Иванович Ушаков; с противоположной стороны постели герцогиня Бирон подает больной лекарство; подле постели, на полу, сидит карлица-шутиха, калмычка Буженинова. Комната полна народу: здесь обычный персонал двора Анны Иоанновны — шуты и потешники; они силятся своим скоморошничеством вызвать улыбку на уста своей владычицы. Шуты играют в чехарду; посреди комнаты, склонившись к полу, стоит дугой маститый старец, кн. М. А. Голицын; чрез него перепрыгнул и лежит на полу гр. Апраксин; на Голицына вскочил кн. Волконский, а на спине последнего возвышается веселая, умная фигура смелого забавника Балакирева. Шут Педрилло, в самой забавной позе, стоя у дверей, играет на скрипке. Шут д›Акоста бичом с привязанным к нему пузырем, сидя на полу, подстегивает всю группу играющих в чехарду, а с другой стороны стегает ее бичом малолетний, но уже грубый, нравственно-испорченный сынишка Бирона.

Государыню, однако, видимо, уже не забавляют эти, столь обыденные для нее потехи, — она едва улыбается;

зато весело смеется кружок придворной блестящей знати: то красавица статс-дама Наталья Федоровна Лопухина (впоследствии, в 1743 году, понесшая столь ужасную казнь), герцогиня Гессен-Гомбургская и гр. Левенвольде, фаворит Лопухиной; они трое сидят в ногах больной и играют в карты, но игра прервана — они любуются на чехарду. На нее также направлено, с другой стороны комнаты, внимание будущей правительницы Анны Леопольдовны, французского посла маркиза де-Шетарди, хирурга Лестока и еще одного сановника; все они расположились в глубине спальни. Гр. Миних и кн. Ник. Трубецкой, с озабоченными лицами, ведут за постелью деловой разговор, а в противоположном конце покоя, близ станка с попугаями, в униженной позе, согбенно стоит пиита Василий Кириллович Тредьяковский: в его руках свиток — то новая ода; подобострастнейший взор Василия Кирилловича устремлен по направлению к больной, но на него никто не обращает внимания. Две фигуры: черемисянка в национальном костюме и негритенок, обе фигуры, сидящие на полу, дополняют картину.

Все лица, вошедшие в картину, поражают своим сходством с подлинными портретами; экспрессия каждой физиономии схвачена поразительно верно; вся картина так и дышит движением, жизнию, исторически-бытовою правдою... Взор ваш невольно, однако, ищет фигуры, на которой бы выразился протест против того унижения, в котором погрязли все эти люди, — и вы с удовольствием замечаете в глубине картины, в дверях, только что вошедшего Артемия Волынского. Никем из присутствующих не замеченный, знаменитый кабинет-министр останавливается на пороге и с негодованием смотрит на представившееся ему зрелище... Очевидно, что, поэтизируя Волынского,

вслед за поэтом и романистом, его воспевшими, художник думал представить в его лице ту небольшую еще группу вполне русских людей, которые сознавали позор и стыд, до которых довел Бирон ненавистное ему российское дворянство — этих сподвижников и сынов «птенцов Петра Великого». Повторяем, картина поражает своею художественною правдою и поразительно-мастерскою отделкою всей обстановки до мельчайших подробностей, что, впрочем, и не могло быть иначе, так как кисть В. И. Якобия — эта лучшая кисть — почти два года не оставляла полотна картины!

Некоторые, прочитавши нашу заметку и не видав еще описываемое нами замечательное создание современного русского художества, придут к заключению, что картина Якобия — пародия, насмешка над русской аристократией... Таковое заключение было бы совершенно ошибочно: картина эта есть лишь воспроизведение исторического факта и притом не единичного и не мелочного. Не столько омерзение к представителям боярства того времени охватывает зрителя, сколько негодование к чужеземцам-проходимцам, каковы Бирон и его подлые клевреты, которые довели Россию до того унижения, в котором она находилась при Анне Иоанновне — женщине, почти случайно занявшей престол. В ее время, уже в последний раз, выступила помесь всего низкого и худшего из непонятых европейских новизн и не отброшенных еще азиатских привычек и обычаев. Дивная кисть художника, с полным бесстрастием правды, чуждая малейшей насмешки, напоминая нам эту тяжелую, позорную для России эпоху (1730—1740), в тоже время, однако, как бы напоминает, что это были последние крупно-тяжелые дни переживаемого русским обществом прогресса; это был момент того процесса преобразовательной эпохи,

когда наверх всплыли все дурные осадки, — но затем уже были близки дни светлые... И в самом деле, не в этот ли же самый дворец вступила дочь Великого Петра, не из того ли же боярства выдвинулись зиждители московского университета, победители Фридриха Великого, сподвижники Екатерины II!.. Не подле ли согбенного Тредьяковского невольно вспоминается исполненная сознания своего достоинства величавая фигура русского самородка-гения, великого Ломоносова!

Нет, чем правдивее и полнее кисть и перо наших художников и писателей будут воспроизводить темные стороны нашего исторического бытия, тем ярче выступят в нашем сознании светлые явления и нашего прошедшего, и нашего настоящего.

ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ «АННА ИОАННОВНА»

«История другого шута — Михаила Голицына — весьма трагична. Он был внуком знаменитого боярина князя Василия Васильевича Голицына — первого сановника времен царевны Софьи, жил с дедом в Пинеге, а потом был записан в солдаты. В 1729 году он уехал за границу. В Италии перешел в католицизм, женился на простолюдинке-итальянке и вернулся с ней в Россию. Свою новую веру и брак с иностранкой Голицын тщательно скрывал. Но потом все открылось, и в наказание за отступничество его взяли в шуты. В иных обстоятельствах Голицын в лучшем случае мог бы попасть в монастырь. Однако до императрицы Анны дошли сведения о его необычайной глупости. Она приказала привезти Голицына в Петербург, на "просмотре" князь понравился

государыне, и 20 марта 1733 года Анна сообщила Салтыкову, что "благодарна за присылку Голицына, Милютина и Балакиревой жены, а Голицын всех лучше и здесь всех дураков победил, ежели еще такой же в его пору сыщется, то немедленно уведомь". Его же несчастной жене-итальянке в чужой стране жилось нелегко. Анна справлялась о ней у Салтыкова, и тот поручил разведать о жене Голицына каптенармусу Лакостову. Каптенармус нашел женщину в Немецкой слободе в отчаянном положении – без денег, без друзей. "Она нанимает квартиру бедную и в той квартире хозяин выставил двери и окошки за то, что она, княгиня, денег за квартиру не платит, а ей… не токмо платить деньги, и дневной пищи не имеет и ниоткуда никакой помощи к пропитанию не имеет… и валяется на полу, постлать и одеться нечем". Женщина "со рвением говорила, хотя бы-де мне дьявол денег дал, я бы ему душу свою отдала, видишь-де какое на мне платье и какая у меня постеля… При том же она говорила и тужила: где-де ныне мой сын, князь Иван, которого я родила с ним, князем Михаилом Алексеевичем", который, по ее словам, внезапно исчез и не подавал никаких вестей. Неизвестно, помогла ли ей Анна тогда, но через год несчастную женщину было велено привезти в Петербург и чтобы "явитца у генерала Ушакова тайным образом". Это было в сентябре 1736 года. С тех пор следы Голицыной теряются в Тайной канцелярии. Муж же ее благополучно жил при дворе и получил прозвище Квасник потому, что ему поручили подносить государыне квас.

У князя Никиты Волконского, супруга покойной Асечки, были другие обязанности – он кормил любимую собачку императрицы Цитриньку и разыгрывал бесконечный шутовской спектакль – будто он по ошибке женился на князе Голицыне. При этом императрица, увлеченная очередной "интригой", писала Салтыкову, чтобы главнокомандующий Москвы передал письмо Волконского его управителю,

“в котором написано, что он женился вправду, и ты оное сошли к нему в дом стороною, чтоб тот человек не дознался и о том ему ничего сказывать не вели, а отдай так, что будто то письмо прямо от него писано”. Так и видишь, как самодержица Всероссийская вот-вот лопнет со смеху от задуманной ей смешной интриги в ожидании еще более забавного продолжения.

Не все, конечно, подходили в шуты привередливой госпоже. Апраксину, Волконскому и Голицыну нужно было немало потрудиться, чтобы угодить ей. В отборе шутов императрица была строга — обмана не терпела, и благодаря одному только княжескому титулу удержаться в шутах не представлялось возможным. При этом ни шуты, ни окружающие, ни сама Анна не воспринимали назначение в шуты как оскорбление дворянской чести. Когда в августе 1732 года Анна потребовала прислать в Петербург упомянутого Волконского, то, чтобы успокоить кандидата в шуты, вероятно напуганного внезапным приездом за ним нарочных гвардейцев, она писала Салтыкову: “И скажи ему, что ему велено быть за милость, а не за гнев”. Именно как милость, как привилегированную государеву службу воспринимали потомки Рюриковичей и Гедиминовичей службу в шутах. Впрочем, нередко и в прежние времена шутами в России бывали знатные люди. Известна печальная судьба шута — князя Осипа Гвоздева, убитого на пиру Иваном Грозным. В списке придворной челяди вдовой царицы Евдокии Федоровны за 1731 год мы находим имя князя Д. Елышева — лакея.

Шуты из знати существовали и при Петре I. Это неудивительно — титулованные высокопоставленные чиновники, князья, графы, обращаясь к государю, по-прежнему подписывались: “Раб твой государской, пав на землю, челом бьет” (эта формула заменила запрещенные Петром подписи XVII века на челобитных: “Холоп твой Ивашка (или Петрушка, Никишка и т. д.) челом бьет…”). Так подписывался,

к примеру, генерал-адмирал, кавалер и президент Адмиралтейской коллегии Ф. М. Апраксин. При Анне подписывались так же: "Всенижайше, рабски припадая к стопам Вашего императорского величества…" И это не была какая-то особая форма унижения, сопровождающая слезную просьбу, это была обыкновенная форма подписи под рапортом, докладом на высочайшее имя. Естественно, что в обществе поголовных государевых холопов ни для князя, ни для графа, ни для знатного боярина не считалось зазорным быть шутом или лакеем, выносящим горшки, — тоже ведь государева служба. Грань между шутовской и "серьезной" должностью была вообще очень тонкой — вспомним шутовского "князь-папу" думного дворянина, графа Никиту Зотова, который одновременно был и шутом при дворе Петра I, и начальником Ближней канцелярии — центрального финансового органа управления. Уместно припомнить и шутовского "князь-кесаря", князя Федора Ромодановского, долгие годы ведавшего страшным Преображенским приказом — политическим сыском…

Читая письма Анны, начинаешь понимать, что для нее подданные — государственные рабы, судьбой, жизнью, имуществом которых она свободно распоряжалась по своему усмотрению: "Изволь моим указом сказать Голицыной — 'сурмленой глаза' (кличка. — Е. А.), чтоб она ехала в Петербург, что нам угодно будет, и дать ей солдата, чтоб, конечно, к Крещенью ее в Петербург поставить или к 10 января" (декабрь 1732 года). В другом письме от 8 февраля 1739 года читаем: "Прислать Арину Леонтьеву с солдатом, токмо при том обнадежите ее нашею милостию, чтоб она никакого опасения не имела и что оное чинится без всякого нашего гневу".

Из многих материалов видно, что Анну — человека переходной эпохи неудержимо тянуло прошлое с милыми для нее привычками, нравами. Это был мир так называемой "царицыной комнаты". Известно, что в Кремле царица

имела свой двор: штат верховых боярынь, мам царевичей и царевен, казначеев, комнатных псаломщиц, чтиц, боярышень-девиц, сенных девиц, которые постоянно жили в комнатах царицыной части дворца. С ними рядом находились постельницы, комнатные бабы — лекарки. На самом низу служилой лестницы располагались дурки-шутихи, уродки, старухи-богомолицы, девочки-сиротинки, дети-инородцы (калмычки, арапки, грузинки). В таком мире Анна жила при дворе матушки Прасковьи Федоровны, и Петр, приезжая в Измайлово, каждый раз брезгливо разгонял по лестницам и закоулкам дворца целую стаю убогих и калек.

Взойдя на престол, Анна стала постепенно возрождать в Петербурге "царицыну комнату". Конечно, в полном объеме это сделать было невозможно — времена московских теремов прошли, но какие-то элементы "комнаты" появились и при императорском дворе в 1730-е годы. Старые порядки появлялись как бы сами собой, как ожившие воспоминания бывшей московской царевны, разумеется, с новациями, которые принесло время. По документам можно проследить, как Анна собирает по кусочкам свою "комнату", выписывая из Москвы, из монастырей всеми забытых, но памятных ей, Анне, старушек-матушек, приживалок прежнего Измайлова. Одновременно идет, как уже сказано выше, тщательная селекция шутов, выписываются из разных мест новые персонажи: "Отпиши Левашову (в то время — главнокомандующему русскими войсками в Персии. — Е. А.), чтоб прислал 2 девочек из персиянок или грузинок, только б были белы, чисты, хороши и не глупы". Это из письма Семену Салтыкову в 1734 году. При дворе появляются две "тунгузской породы девки", отобранные у казненного иркутского вице-губернатора Андрея Жолобова. В 1738 году С. А. Салтыков получил указ найти несколько высокорослых турок для исполнения обязанностей гайдуков на каретах. К письму была приложена "мера, против которой, как лучше

возможно выбрать надлежит, чтоб меньше оной не были". Так, наверное, главнокомандующий и поступал — измерял по эталону всех привезенных к нему пленных турок. В 1732 году императрица пишет Салтыкову: "По получении сего письма пошли в Хотьков монастырь и возьми оттудова матери безношки приемышка мальчика Илюшку, дав ему шубенку, и пришли к нам на почте с нарочным салдатом, также есть у Власовой сестры тетушки сын десяти лет… и его с Илюшкой пришли вместе".

Как и у матушки-царицы Прасковьи Федоровны, у Анны появились свои многочисленные приживалки и блаженные с характерными и для прошлого, семнадцатого века кличками: "Мать-Безножка", "Дарья Долгая", "Девушка-Дворянка", "Баба-Катерина". Воспоминаниями о безвозвратно ушедшем Измайловском детстве веет из писем Анны к Салтыкову. Императрица собирает чем-то памятные ей с детства вещицы, даже проявляет интерес к истории. В октябре 1732 года она пишет Салтыкову: "Спроси у князя Василья Одоевского, нет ли у него в казенных (кладовках. — Е. А.) *старинных каких книг русских и который прежних государей, чтоб были в лицах, например о свадьбах или о каких-нибудь прочих порядках". В другой раз она требует прислать к ней "портрет поясной сестры царевны Прасковьи Иоанновны", письма "матушки" и сестер, хранившиеся в Кабинете. Со смерти матери царицы Прасковьи Федоровны прошло уже много лет, бесчисленные обиды, которые претерпела Анна от матери (известно, что перед смертью та было прокляла дочь), и недоразумения забылись, и, как каждый человек, Анна грустит и вспоминает безвозвратно ушедшее прошлое: "Слышала я ныне, что у царевны Софьи Алексеевны в Кремле и в Девичье монастыре были персоны моего батюшки, также и матушки моей пояснъя, а работы Виниюсовой, а матушкин портрет в каруне* (короне. — Е. А.) *написан". Анна*

просит Салтыкова его найти: "Мне хочется матушкин патрет достать".

Императрица хотела найти людей, памятных ей с детства, знавших ее и родителей, а потом куда-то исчезнувших. Так, в июле 1734 года Анна предписывает найти и прислать к ней Аксинью Юсупову, "которая жила у матушки". Если эти люди умерли или были уже стары, то просила подобрать замену: "Поищи в Переславле из бедных дворянских девок или из посадских, которая бы похожа была на Татьяну Новокрещенову, а она, как мы чаем, уже скоро умрет, то чтобы годны ей на перемену; ты знаешь наш нрав, что мы таких жалуем, которыя бы были лет по сорока и так же б говорливы, как та, Новокрещенова, или как были княжны Настастья и Анисья Мещерская". Умение говорить без перерыва, рассказывать сказки и байки, талантливо пересказывать сплетни очень ценила скучавшая от безделья Анна, природное любопытство и склонность к сплетням которой отмечал даже заезжий иностранец Фрэнсис Дэшвуд. В 1734 году, предписывая забрать у княгини Вяземской некую девку, императрица приказывала от себя успокоить ее, "чтоб она не испужалась… я ее беру для забавы, как сказывают, она много говорит".

Впрочем, не всякого человека из прошлого Анна была готова встретить с распростертыми объятиями. В декабре 1734 года она с тревогой писала Салтыкову: как слышно, некая княжна Марья Алексеевна, жившая в Москве и чем-то серьезно больная, собралась навестить государыню в Петербурге. Салтыков должен был предупредить этот нежелательный для мнительной Анны визит: "Надобно ей сказать, чтоб она лучше осталась дома для того она человек больной, а здесь у меня особливо таких мест нет, где держат больных".

Конечно, не только "собиранием комнаты" и забавами шутов тешилась русская императрица. На нее в полной

мере распространялась харизма российских самодержцев. Как и Екатерина I, она претендовала на роль "Матери Отечества", неустанно заботившейся о благе страны и ее подданных. В указах это так и называлось: "О подданных непрестанно матернее попечение иметь". В день рождения императрицы, 28 января 1736 года, Феофан Прокопович произнес приветственную речь, в которой, как сообщали на следующий день "Санкт-Петербургские ведомости", подчеркивал, что приятно поздравлять того, "который не себе одному живет, но в житии своем и других пользует и тако и прочим живет". А уж примером такой праведной жизни может быть сама царица, "понеже Ея величество мудростью и мужеством своим не себе самой, но паче всему Отечеству своему живет".

Однако сама императрица понимала свою роль не столь возвышенно, как провозглашал с амвона златоустый вития Феофан. Она и здесь ощущала себя скорее рачительной и строгой хозяйкой большого поместья, усадьбы, где для нее всегда находилось дело. Роль верховной свекрови-тещи, всероссийской крестной матери, общей кумы, несомненно, нравилась императрице. Она, с общепринятой точки зрения, сама погрязшая в грехе сожительства с чужим мужем, сурово судила всякие отклонения от принятых канонов, вольности и несанкционированные амуры. Как-то в "Санкт-Петербургских ведомостях" был опубликован такой "отчет": "На сих днях некоторой кавалергард полюбил недавно некоторую российской породы девицу и увезти [ее] намерился". Далее подробно описывается история похищения девицы прямо из-под носа у сопровождавшей ее бабушки и тайное венчание в церкви. "Между тем учинилось сие при дворе известно (можно представить себе, какое разнообразие в скучную жизнь двора Анны внесло это известие! — Е. А.)*, и тогда в дом новобрачных того ж часу некоторая особа отправлена, дабы оных застать. Сия особа* (полагаю, что это был А. И. Уша-

ков, начальник сыска. — Е. А.) *прибыла туда еще в самую хорошую пору, когда жених раздевался, а невеста на постели лежала". Все участники приключения именем государыни были арестованы, взяты под караул и "ныне, — заключает придворный корреспондент, — всяк желает ведать, коим образом сие куриозное и любительное приключение окончится". Нет сомнений, что операцией по срыву "незаконной" первой брачной ночи из своего "штаба" руководила сама государыня — незыблемый оплот нравственности подданных, глава Русской Православной Церкви.*

Но особенно любила императрица быть свахой, женить своих подданных. Речь не идет об обычном, традиционном позволении, которое давал (или не давал) самодержец на просьбу разрешить сговоренную свадьбу. Анна такие высочайшие позволения также давала, но при этом часто сама выступала свахой в прямом смысле слова. И, как понимает читатель, отказать такой свахе было практически невозможно.

Лишь нечто из ряда вон выходящее могло помешать намеченному императрицей браку. "Сыскать, — пишет Анна Салтыкову 7 марта 1738 года, — воеводскую жену Кологривую и, призвав ее себе, объявить, чтоб она отдала дочь свою за [гоф-фурьера] Дмитрия Симонова, которой при дворе нашем служит, понеже он человек добрый и мы его нашею милостию не оставим". Через неделю Салтыков отвечал, что мать невесты сказала, мол "с радостию своею… и без всеякаго отрицания отдать готова" дочь, но той лишь 12 лет. Получился некоторый конфуз.

Но обычно сватовство Анне удавалось. Вообще все, связанное с браком и амурными делами ее подданных, страшно интересовало императрицу, готовую при случае лично припасть к замочной скважине. При этом нельзя не заметить, что в шумных хлопотах Анны о семейном благополучии своих подданных скрыто звучит трогательная нота участия к беззащитным, бедным людям,

которые, как некогда она сама, не смогли устроить свою судьбу и поэтому могут остаться несчастливы. В письме Салтыкову в 1733 году она хлопочет о судьбе каких-то двух бедных дворянских девушек, "из которых одну полюбил Иван Иванович Матюшкин и просит меня, чтоб ему на ней жениться, но оне очень бедны, токмо собою недурны и неглупы и я их сама видела, того ради, по получении сего, призови ево отца и мать и спроси, хотят ли они его женить и дадут ли ему позволение, чтоб из помянутых одну, которая ему люба, взять, буде же заупрямятся для того, что оне бедны и приданаго ничего нет, то ты им при том разсуди и кто за него богатую даст". В январе 1734 года Анна Иоанновна с удовлетворением сообщала Салтыкову, что Матюшкин благополучно женился и что "свадьба была изрядная в моем доме", то есть государыня устроила свадебный пир бедной молодой паре в своем Зимнем дворце!».

«Апофеозом зимних публичных утех анненского царствования стало строительство напротив Зимнего дворца знаменитого Ледяного дома в феврале 1740 года. Он был сооружен к шутовской свадьбе императрицына шута князя Михаила Голицына-Квасника и калмычки Авдотьи Буженинова. Делали его архитекторы П. Еропкин и И. Бланк при участии академика Крафта, оставившего подробное описание дивного и странного сооружения. Склонность людей XVIII века к "куриозам" нашла здесь свое крайнее выражение. Анне мало было потешной свадьбы, маскарадного шествия по улицам столицы, на которое свезли со всей страны "инородцев" в национальных одеждах. Она распорядилась построить роскошный ледяной дворец для новобрачных. Он, как и все сооружения вокруг него, отвечал главному принципу, создававшему феномен "куриоза", делавшему его удивительным и забавным: на первый взгляд — реальные вещи, живые существа, а при внимательном рассмотрении —

муляжи, обманки, чучела и "восковые персоны". В данном случае – не восковые, а ледяные. По фасаду на крыше стояли ледяные статуи, над входом возвышался "преизрядный фронтишпиц, в разных местах статуями украшеный". Возле дворца виднелись ледяные кусты с ледяными ветвями, на которых сидели ледяные птицы. Народ толпился и возле ледяного слона в натуральную величину, который трубил как живой (внутри конструкции сидел трубач) и выбрасывал из хобота воду, а ночью – горящую нефть. Во дворе, как полагается, была устроена "ледяная баня со всеми принадлежностьми, а именно с печью, каменкою и с прочею к мыльне принадлежащей посудою, все изо льда".

Но все же больше всего потрясал "смотрителей" сам Ледяной дом: через окна, застекленные тончайшими льдинками, можно было видеть роскошные покои, стены, мебель, зеркала. На ледяном столе стояли ледяные стаканы, блюда, лежали игральные карты, "к столу приморожденныя". Тут же стояли "столовые часы с колесами и с прочими в подлинных часах находящимися вещьми". Все это было сделано изо льда, выкрашенного в естественные для всех этих предметов цвета. В "уютной" ледяной спаленке стояла "кровать с постелею, все изо льда" со всеми принадлежностями (одеялом, подушками, колпаком и чепцом, а также мужскими и женскими ночными туфлями). В эту постель, с соблюдением всех свадебных церемоний, уложили привезенных в клетке новобрачных. Там они и провели ночь под надежной гвардейской охраной. А перед этим по улицам Петербурга гуляла потешная свадьба, медленно двигалась торжественная процессия насильно присланных "представителей" всех народов России от ненцев и эскимосов Севера до украинцев Юга. Последние ехали в "потешных" санях с тысячами колокольчиков и под звуки рожковой музыки, в сопровождении ладных певучих мужиков и баб, которых долго отбирали в России и Украине как "умеющих плясать и собою негнусных".

Несчастный, битый Василий Кириллович Тредиаковский читал приветственную оду:

Квасник-дурак и Буженинова
Сошлись любовию, но любовь их гадка.
Ну, мордва, ну, чуваши, ну, самоеды!
Начните веселье, молодые деды:
Балалайки, рожки, гудки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рынки.
Ах, вижу, как вы теперь рады!
Гремите, гудите, бренчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите!

Под эти вымученные в холодной Артемия Волынского стихи гости "изрядно шумствовали" в манеже Курляндского герцога.

Если празднества приходились на лето, то на водном пространстве перед дворцом для фейерверков и огненных "картин" ставили на якоря большие плоты и барки. Все торжества непременно завершались праздничным фейерверком и салютом грандиозных масштабов. И если путешественник в это время прибывал в город на корабле — а именно в 30-е годы XVIII века порт был перенесен с Выборгской стороны на оконечность (Стрелку) Васильевского острова, — то еще издали по оглушающему грохоту салюта и редкой красочности фейерверка в бледном полуночном небе Петербурга он мог понять, что перед ним — столица великой, могущественной империи!..»

Большинство источников, в том числе Ю. Нагибин, считают, что последним местом жительства князя Голицына была Братовщина. Опираясь на документы генерального межевания, краевед Василий Коршун выдвинул версию, которая уточняет, казалось бы, общеизвестный факт. В 1744 году князь женился в четвертый раз

на Аграфене Хвостовой. Приблизительно в то же самое время он покупает имение в деревне Костино (тогда она называлась Констентинково), это в двух километрах от Братовщины. Согласно документам межевания, вся дача Констентинково в 1768 году находилась в совместной собственности Александра Голицына и Ивана Хвостова, очевидно, родственника четвертой жены князя. От брака с Аграфеной Хвостовой (на момент их свадьбы князю было уже 57 лет) у него было три дочери: Варвара (1746 год), Анна (1748 год), Елена (1750 год).

В Констентинково князь отстроил новый деревянный дом, обставил его английской мебелью. К дому вела аллея прямиком из Братовщины. К реке Скалбе спускался парк с беседками, а по другую сторону от аллеи был разбит богатый фруктовый сад, который славился на всю округу.

В Констентинково князь прожил 35 лет. Умер он в почтенном возрасте в 1778 году и был похоронен в Братовщине, на погосте Благовещенской церкви, которая тогда стояла на правом берегу реки Скалбы.

КАМЧАДАЛКА ИЛИ КАЛМЫЧКА?

Практически во всех энциклопедиях, которые я просмотрел, написано, что Буженинова — любимая шутиха императрицы Анны Иоанновны — по национальности калмычка.

Но камчадалкой вслед за П. В. Долгоруковым считал ее и известный писатель, работающий и в историческом жанре, Юрий Нагибин, который посвятил Евдокии (Авдотье) Ивановне свою повесть «Квасник и Буженинова».

То, что камчадалы присутствовали в столице России во времена правления императрицы Анны Иоанновны, — факт: все они, вместе со многими другими народами России, были участниками свадебной церемонии Квасника и Буженинова, описанной другим писателем — Лажечниковым — в его исторической повести «Ледяной дом» и многочисленных научных и популярных статьях об этой шутовской свадьбе, вошедшей в мировую историю как пример природной дикости и самодурства не народов, населяющих Россию, а русского самодержавия.

Для русского человека облик калмыков был, естественно, более знакомым, нежели облик камчадалов, обитающих где-то на самой дальней окраине России, реальные границы которой во времена Анны Иоанновны еще только пытались определить участники Великой Северной (в том числе и Второй Камчатской) экспедиции.

А если к этому еще добавить, что *«…камчадалы так как мунгалы ростом низки, телом смуглы, не мохнаты, черноволосы, малобороды, лицом калмыковаты, с поклянными носами, косолапы. Глаза у них впалы, брови малы и*

редки, брюха отвислы, ноги и руки малы и тонки, походка тихая. Сверх того робость, хвастовство, раболепность к строгим, упрямство и презрение к ласковым обоим народам свойственны».

Камчадалка, старинная английская гравюра

То есть камчадалы и калмыки и по внешнему обличью, и по природным своим свойствам — народы сходные. И принять камчадалку за калмычку — проще простого.

Но были у Евдокии Ивановны и черты, которые не были свойственны ни калмыкам, ни другим каким «инородцам», проживающим, как дань моде, заведенной императрицей, при царских и вельможных дворах.

«…Евдокия Ивановна Буженинова карлицей не была: просто она была маленького роста, и русские считали ее очень уродливой. Собственно, Евдокией Ивановной она стала после крещения, когда привезли ее в подарок Анне Иоанновне. А фамилию Буженинова ей дали по прозвищу — от нее всегда очень сильно пахло копченым, и кожа ее была покрыта слоем жира. Буженинова утверждала, что у ее народа такие традиции: не мыться, а мазаться жиром. Ею брезговали даже шуты, а кто не брезговал — того она и покалечить могла: из-за способности яростно сопротивляться домогательствам Буженинову считали «злой». Но Анна Иоанновна [ее] любила: за едкое ее остроумие» (Елена Прокофьева. 100 великих свадеб).

Обратим внимание — Буженинова ее назвали не за буженину, которую якобы она тоже любила, а за запах: «От нее всегда очень сильно пахло копченым».

И еще ею брезговали даже шуты — «…кожа ее была покрыта слоем жира. Буженинова утверждала, что у ее народа такие традиции: не мыться, а мазаться жиром».

С. П. Крашенинников, цитату из «Описания земли Камчатки» которого мы приводили выше, добавляет о камчадалах: «В житье гнусны, *никакой чистоты не наблюдают, лица и рук не умывают,* ногтей не обрезывают, едят из одной посуды с собаками и никогда ее не моют, *все вообще пахнут рыбою, как гагары,* волосов на голове не чешут, но расплетают на две косы как мущины, так и женщины. У которых баб долгие косы, те для красы расплетают их на многие мелкие косы, а потом в две большие соединяют и, закинув на спину, связывают

на конце веревочкой. Когда волосы из кос выбиваются, то пришивают их нитками, чтоб были гладки, и потому они столь вшивы, что рукою, как гребнем, подняв косы, их чешут и, сметая в кучу, пожирают, как выше показано. А у которых волосы малы, те парики объявленным образом сделанные носят, которые весом бывают до десяти фунтов и голову сенною копною представляют; впрочем, женской пол красивее и, кажется, умнее, чего ради из баб … их больше шаманов, нежели из мужеска полу».

И еще, это уже о местной камчатской косметике: «Вместо белил трутся гнильтиною таловою, а румянятся выбрасывающейся на моря травою, которую собирают и сушат и, когда надобно, омоча в нерпичий жир, мажутся, а называют те свои румяны … камчадалы ханжу».

То есть Евдокия Ивановна Буженинова полностью соответствовала собственному представлению и представлению своего народа — камчадалов — о красоте лица и чистоте тела.

Была еще одна особенность у ее народа, которая могла понравиться императрице: «Великое искусство имеют пересмехать всякого и точно представлять, кого похотят, по походке, по голосу, по речи и по всем приемам: таким же образом представляют они и зверей и птиц, и сие у них в числе не последних забав почитается».

А об ее «едком остроумии» разговор особый — проект женитьбы на князе Михаиле Алексеевиче Голицыне был, если верить историкам, ее собственным изобретением…

О «любимой калмычке» Анны Иоанновны написаны сотни книг, в которых с одинаковой настойчивостью подчеркивается ее внешнее уродство и величайшее унижение князя Квасника.

Лишь один из писателей — Юрий Нагибин — в своей повести «Квасник и Буженинова» — с удивительной теплотой, деликатностью и литературным изяществом описал чувства этих людей — раздавленного жизненными невзгодами несчастного шута и маленькой камчадалки, пожалевшей, а потом полюбившей этого несчастного человека, который ответил ей сначала в благодарность, а потом от души — взаимностью…

«Переворот Миниха имел следствием роспуск шутейной команды. Анна Леопольдовна, сама достаточно натерпевшаяся от вздорного нрава тетки — ее ругали и хлестали по щекам, как нерадивую фрейлину, — не находила удовольствия в унижении других людей. Она разогнала болтушек и уволила с придворной службы всех шутов, щедро их наградив. Голицыну была возмещена стоимость конфискованного имения.

— Ну я и тебя отпускаю, батюшко, — сказала Авдотья Ивановна, когда облагодетельствованный регентшей муж вернулся домой.

— Куда? — не понял Голицын.

— В твою новую настоящую жизнь.

— А разве у нас не настоящая жизнь? — с улыбкой спросил Голицын.

— Нет, вся наша жизнь — в шутку. Сам знаешь. С шутки началось, шутя продолжалось. А что не отверг меня, за это тебе благодарность. Я тебе не ровня и всегда это знала. Сейчас ты вольный человек, в своем достоинстве и при средствах. Наш брак вовсе не считается, раз ты другой веры.

— Чего ты?.. О чем ты?.. — бормотал растерявшийся Голицын.

— Пора тебе начать жить, как по родовитости твоей положено, а чужой злобой отнято. Ты же Голицын! И как тебя ни мытарили, как ни гнули, а сломать не смогли. Человек ты свежий, крепкий, в полном здравии. Будет у тебя и дом,

и жена-ровня, и детишки. А за меня не переживай, нашего богатства и на двоих хватит.

Последних слов ее Голицын уже не слышал. Он наконец-то понял, что все это всерьез, что Авдотья Ивановна приняла решение, а он хорошо знал, как тверда она и неуступчива, если что задумала. Голицын не умел спорить, бороться, убеждать, он никогда ни в чем не мог поставить на своем, все распоряжались им, как хотели: цари, министры, фавориты, военачальники, даже итальянский виноторговец и его дочка, да что там — огрызки человеческие из шутейной команды, а он умел только покоряться, молча потуплять голову. Голицын зарыдал, затопал ногами в бессильном отчаянии, стал колотить себя кулаками в грудь.

Авдотья Ивановна испугалась, что он опять выпадет из ума. Она видела его в беде, в нечеловеческом унижении, видела битым и растоптанным, видела раз за свадебным столом слезу на его щеке, но никогда не видела и даже не представляла плачущим. Этого от него никто не мог добиться.

Она должна была дать Голицыну свободу выбора. Он мог остаться с ней из благодарности или по слабости, а Авдотья Ивановна этого не хотела. Ведь она любила. Но слишком велико их нынешнее неравенство. Какая она жена князю — Буженинова, божья нелепица, камчатская оборванка рядом с Гедиминовичем, статным, пожилым красавцем, от которого за версту веет родовитостью!

— Милый, да что ты?.. Что с тобой?.. Ну, не хочешь, никуда я не уйду. Только перестань, родимый. Никуда не денется твоя Авдошка. Вот я, всегда с тобой, пока не прогонишь… Да шучу я… Твоя я, твоя, понял?.. Давай утрем слезки.

— Ты правду говоришь?

— Конечно, правду. — Она протянула ему фуляр, и князь трубно высморкался.

Через месяц к черному ходу дворцового флигеля была подана вместительная карета; в нее сели высокий представительный

барин в шубе с бобрами и маленькая барынька в соболях. Туда же забралась дородная молодица с грудным ребенком в атласном конверте. Карета тронулась, за ней потянулись три возка с поклажей. Князь и княгиня Голицыны отправились в свое имение в подмосковном селе Братовщине, приобретенном через доверенного человека.

По тем еще скромным временам имение Голицына могло считаться образцовым: усадьба в отменном состоянии, за мужиками недоимок не числится, а сам господский дом — табакерка. В елисаветинский век богатые и знатные фамилии начнут возводить в своих сельских вотчинах каменные дворцы с колоннами, приглашая для строительства лучших петербургских и московских зодчих, разбивать французские и английские сады, украшая их мраморными статуями, городить искусственные гроты, балюстрады, фонтаны. Но в ту патриархальную пору даже знаменитому Архангельскому, имению верховника Голицына, было бесконечно далеко до того роскошного вида, который ему впоследствии придадут новые владельцы, баснословно богатые Юсуповы. Дома состоятельных помещиков тогда мало чем отличались от деревенских изб, разве что были попросторнее и окошки стеклянные, а не слюдяные, да крыльцо позатейливей. Крыша — та же дранка, обстановка — грубо сколоченные столы, лавки вдоль стен, два-три городских стульца, сундуки, пол застлан рядном.

А у Голицыных дом хоть и деревянный, да оштукатуренный, двухэтажный, и под железом, крыльцо с белыми колоннами; в первом этаже имелось зальце с изразцовыми печами, несколькими старыми потемневшими картинами на стенах и огромным паникадилом. На втором этаже находился кабинет с дубовым письменным столом, прямоспинным креслом, диваном и книжным шкафом, рядом — спальня и детская. К дому примыкали флигели, там были комнаты для гостей, поварня, кладовые, контора, чуланы для дворни, баня. За домом расстилался громадный

сад, его прорезали липовые аллеи, был и чистый пруд с карасями и клумбами против парадного входа.

Голицыну дом полюбился, но Авдотья Ивановна не разделяла его восторга. «Нынче и это сгодится, — говорила она, — а там, конечно, ты по-другому отстроишься». Эти слова пугали Голицына каким-то темным намеком, но, утомившись страдать, он сразу прекращал разговор.

Поместью принадлежало большое село и пяток не слишком захудалых деревень. Михаил Алексеевич, поддерживаемый во всех своих начинаниях женой, в короткое время крепко и выгодно устроил хозяйственную жизнь в своих владениях. Кого оставил на барщине, кого перевел на оброк, а кого отпустил в город, на заработки. Он прогнал старого управителя, бессмысленно придирчивого немца, которого крестьяне ненавидели и всячески старались обмануть. На его место Голицын поставил приказчика из местных, сметливого молодца, взяв с него клятву, что воровать тот будет не много, не мало, а средственно, чтобы барину не захотелось сдать его в солдаты. И еще ему было велено не прижимать крестьян без нужды, не то пойдет к ним на правеж. Новому управляющему равно не хотелось ни под ружье, ни под розги земляков, его стараниями имение обеспечивало Голицыных и прибыль давало, крестьяне тоже не жаловались.

Вскоре Авдотья Ивановна подарила Голицыну второго сына. На радостях Михаил Алексеевич закатил пир, пригласив всех окрестных помещиков. Это был народ мелкотный, хотя и не вовсе бедный. Но жили бирюками, иные сидни даже в Москве не бывали, не то что в Петербурге. Помещики были ошеломлены великолепием дома Голицыных и оказанным им приемом. Непривычный к роли хозяина и боящийся уронить себя чрезмерной обходительностью, которую могли счесть заискиванием, Михаил Алексеевич надувался, как индюк, был важен до высокомерия и тем необычайно понравился гостям. Таким они и представляли себе настоящего вельможу,

приближенного суровой Анны Иоанновны, о царствовании которой ходило столько темных слухов. А вот радушная, веселая Авдотья Ивановна разочаровала помещиков своей простотой и неавантажностью; разве такая жена положена князю Голицыну!

В свою очередь, Авдотья Ивановна невысоко оценила гостей, вспомнив о них много времени спустя и, как поначалу показалось Михаилу Алексеевичу, вроде бы ни с того ни с сего.

— До чего же соседи наши дремучи, только что шерстью не поросли!

Они сидели на лавочке возле клумбы и отмахивались от комарья.

— Люди как люди, — равнодушно отозвался Голицын.

— Нет, не такая тебе компания требуется.

— Что ты все меня возвышаешь? Да кто я такой? — рассердился Михаил Алексеевич, которому не понравилось словечко «тебе», будто разъединяющее их. Уже не в первый раз Авдотья Ивановна как бы проводила черту между ним и собой.

— Надо, чтобы к тебе из Москвы, из подмосковных вотчин господа приезжали, — мимо его слов продолжала Авдотья Ивановна. — И они поедут, когда прослышат про твои хоромы.

— Какие еще хоромы? О чем ты, Дунюшка? Нешто я Шереметев или Куракин? Да и зачем они нам?

— Молчи! — приказала Авдотья Ивановна. — Чем ты хуже их?

— Не привык я к пышности. А главное, денег нет на такое мотовство.

— Есть, Миша, — очень серьезно сказала Авдотья Ивановна. — Я же говорила тебе, что мы богаты.

Голицыну вспомнилось, что как-то в первые дни их супружества она обмолвилась о каком-то богатстве, но не до того ему тогда было, а после и вовсе выпало из головы. Ну что она, сердешная, в богатстве смыслит? Думает небось, что

незаможная деревенька, пожалованная на свадьбу Анной Иоанновной, и разные ее подачки: перстеньки, брошки, браслетки — невесть какое состояние. Откуда ей знать, что такое настоящее богатство?

— Да ты не веришь?

Авдотья Ивановна прошла в дом и вернулась с увесистой шкатулкой, которую несла с трудом на плече. Она открыла шкатулку, и у Голицына заслезились глаза — такой оттуда ударил блеск и сверк.

— Господи, откуда?

— А это приданое. Ты пьяненький был, не заметил, поди, как нас одаривали. Матушка императрица пример подала. Остальным куда деваться?

Авдотья Ивановна приметила его брезгливое, отстраняющее движение.

— Эти дары не в короб, а в ледяную могилу кидали. — И добавила с тихой угрозой: — Не смей ими гребовать…

— О чем ты? — испугался Голицын. — Нешто я что говорю?

— То-то!.. Вот он, твой дворец, Михаил Алексеевич!

— Почему «твой»? — вскинулся Голицын, в такие минуты робость его оставляла. — Нет ничего моего и не будет — только наше!

Она помотала головой.

— Это для твоей новой жизни. Меня уж в ней не станет.

— Куда же ты денешься? — вымученно улыбнулся Голицын.

— Куда все деваются, туда и я. Выкормлю поскребыша своего и уберусь… Я все свое от жизни получила… Нешто могла я мечтать о таком?.. А ты должен еще одну жизнь прожить, самую лучшую. Был господь наш Иисус на кресте, а стал в славе. И ты должен восстать в славе. Так я решила, и не спорь со мной. Не раздражай больного человека.

— Чем же ты больна, Дунюшка? Мы врачей вызовем, хочешь, в Италию поедем?

— Вот моя Италия. — Она обмахнула пространство рукой. — А врач меня осматривал. Помнишь, я на грудь жаловалась, говорила, что придется кормилицу брать?.. Ничего у меня с грудью не было, а сидела во мне моя болезнь. И врач это подтвердил. От нее не лечатся и не выздоравливают… Прекрати!.. Я еще поживу здесь… А мой наказ ты выполнишь. Поклянись, что выполнишь!.. Смотри, а то я тебе являться стану…

— Являйся, Дунюшка! — попросил Голицын. — Все легше…

Авдотья Ивановна верила: слово муж сдержит, чего бы ему ни стоило. Этого она и добивалась. Пришлось сказать о своей неизлечимой болезни, чтобы связать его обязательством, а то, не ровен час, руки на себя наложит. Она знала, как Голицын ее любит, и ничего не боялась. Его любовь сбережет ее в каком-то высшем тайном смысле, назвать который она не умела.

А Михаил Алексеевич после этого разговора вроде бы успокоился. Он не плакал больше и, когда спал, все прижимал к себе ее маленькое тело, так что ей становилось трудно дышать, но Авдотья Ивановна и не пыталась освободиться из его рук. На посторонний взгляд с ним было все в порядке, правда, приказчика удивляло, что вникавший прежде во все хозяйственные подробности Михаил Алексеевич вдруг перестал интересоваться хозяйством, хотя подступала уборочная страда. Ушлый молодец не попался на удочку внезапного доверия и еще умерил воровство. Конечно, приказчику и в голову не могло прийти, что барину все сделалось безразлично: хоть вовсе не убирайте, не молотите, не сейте. Он хотел каждую минуту быть с Авдотьей Ивановной и не тратиться ни на что другое. Он следовал за нею, как тень, а стоило ей, все слабеющей, прилечь, как он тут же подваливался к ее боку. Голицын почти не страдал, она это знала. С ним сделалось что-то похожее на прежнее выпадение из памяти. Только тогда Михаил Алексеевич полностью освободился от себя,

а сейчас сумел отогнать страшное. Он так сосредоточился на ней живой, что не осталось места для образа утраты. Да ведь нельзя просто забыть о том, что ежеминутно напоминает о себе, это вне человеческой воли; свое благое беспамятство Михаил Алексеевич оплатил частичной утратой личности. В нем не было сейчас ни любви к детям, ни радости от дома, от прогулок, ни беспокойства о хозяйстве, ни интереса к чему-либо творящемуся на свете, он дышал и не мог надышаться одной Авдотьей Ивановной. «И не надышишься, милый, — нежно и жалеюще думала Авдотья Ивановна. — А все-таки большое облегчение — уметь так прятаться от страшного». Сама она жила, как раньше, не изменяла своим привычкам, спокойно и твердо ждала близкого конца, но думать старалась только о хорошем, что выпало ей в жизни. Утешалась она и мыслями о будущем величии Михаила Алексеевича.

Хорошая собака никогда не умирает на глазах хозяина, находит такое укромье, где ее невозможно отыскать. Она не хочет удручать зрелищем своего конца того, кого любила всем беззаветно преданным сердцем. Видимо, этот древний животный инстинкт заговорил в Авдотье Ивановне, по корням близкой природе и почве.

В один из ничем не примечательных мягких пушистых зимних дней она исчезла. И как могло это случиться? Михаил Алексеевич ни на шаг не отпускал жену от себя — да ведь случилось! Усыпила она его, что ли, или заколдовала, но вдруг он как-то странно вздрогнул, будто со сна, и очнулся в пустоте. Голицын заметался, забегал по дому, стал обшаривать каморы, двигать мебель, хлопать дверцами шкафов, потом спохватился и кликнул людей. Длинной цепью двинулись они через сад к лесу. Голицын все приглядывался к следам, их было множество — маленькие опушенные следы животных и птиц. Но ведь и следки Авдотьи Ивановны были не больше.

Они обыскали сад и примыкающую к нему березовую рощу, окликая Авдотью Ивановну и аукаясь — тщетно! — и углубились в еловый бор; здесь снег был столь глубок, что люди проваливались по пояс — нешто тут пройти такой крошке? — но Михаил Алексеевич завороженно ломил вперед, и дворне ничего не оставалось, как следовать за ним.

Нашел ее сам Михаил Алексеевич, хотя не признал в первое мгновение, приняв меховое пушистое существо в развилке соснового сука, пригнувшегося под снежным гнетом, за зверька вроде кунички. А это была Авдотья Ивановна в шубке и меховой шапочке, уже замерзшая, одеревеневшая. Голицын взял ее на руки — она ничего не весила. Только сейчас увидел он, как мало ее осталось, как сморщилось, усохло в детский кулачок желтое лицо с провалами забитых снегом глазниц. Михаил Алексеевич видел ее, такую важную и значительную для него, преувеличивающим оком, а сейчас зрение его опустело, и Авдотья Ивановна словно съежилась, уже мертвая предстала перед ним в настоящем своем облике.

Он понес ее на вытянутых руках и весь путь до дома по-волчьи выл, так что у дворовых волосы под шапками становились дыбом.

Нашлись добрые души, взявшие на себя похороны и все сопряженные с ними хлопоты: Михаил Алексеевич ни на что не годился…

Потом началось долгое, тяжелое опамятование.

Постепенно Голицын выполнил все наказы Авдотьи Ивановны. Детям нанял воспитателей. Построил каменный дом бело-синий, с колоннами и лепниной. Обставил его английской мебелью. Женился. Жену взял из семьи почтенной, но не родовитой. Ее страстью было наряжаться, но долгое время всем великолепием парижских нарядов любовались лишь дремучие очи окрестных помещиков. А потом, как предсказывала Авдотья Ивановна, слухи о роскоши и хлебосольстве голицынского дома достигли Москвы,

и среди его гостей появилось немало чуть замшелой, но весьма родовитой знати. У новой княгини Голицыной был один несомненный дар: она умела принять любого гостя и любое число гостей, сохраняя вид величественного благоволения, неизвестно почему осенившее внучку петровского барабанщика, выслужившего офицерский чин и потомственное дворянство. Ей очень повезло, поскольку ничего другого, кроме представительности, от нее не требовалось.

Когда князь и княгиня Голицыны выходили на прогулку, оба большие, статные, нарядные и торжественные, он, опираясь на трость, она — на его твердую руку, дворовые бросали дела, чтобы полюбоваться этим величественным и никогда не надоедавшим зрелищем.

Соседские помещики князя боготворили. Он устраивал великолепные охоты с борзыми и гончаками, хотя сам никогда не брал ружья в руки, поил и кормил до отвалу и даже перепившему, наскандалившему гостю не делал никакой укоризны, а заботливо отправлял домой на своих лошадях. У него был великолепный погреб, и, наверное, во всей России не нашлось бы таких квасов, как у Голицына. Из чего только их не готовили! Помимо всех известных квасов, у него подавались шипучие хмельные квасы из заморских фруктов, выращиваемых в оранжереях, с примесью каких-то трав. И была традиция: каждому новому гостю князь с задумчивой полуулыбкой собственноручно подносил кружку кваса, чуть наклонив крупную голову под великолепно расчесанным париком, и говорил душевно: «Извольте, сударь, откушать». С поклоном принимал опорожненную кружку и протягивал платок, чтобы гость отер пену с усов. Говорили, что императрица Анна пила квас только из его рук, и на эту привилегию никто не смел посягать. Что правда, то правда.

А вообще правды о нем не знали, да и не стремились узнать. Каждое историческое событие становится сперва легендой (еще при жизни современного ему поколения),

потом предметом научного изучения, и окончательный образ обретает себя вновь в легенде. Конечно, случались люди, утверждавшие, что блистательный вельможа был шутом при дворе Анны Иоанновны, но это не производило на гостей Голицына обидного для князя впечатления. Бироновщина была овеяна какой-то мистической жутью, пережить то время, да еще вблизи самого Курляндского сатаны, было уже подвигом. А как ты назывался, кем числился, какие муки терпел в страшное огнепальное время, стоит ли разбираться? Лучше почтительно молчать перед страстями, которые по божьей милости не выпали тебе на долю.

Сам Голицын никогда не говорил о прошлом и умел безмолвно прекращать эти разговоры в своем присутствии, что еще увеличивало общее к нему уважение. Не хотел этот человек ни лавров, ни сострадания, ни восхищения, ни содрогания, он имел мужество существовать в нынешнем своем образе, не озираясь на прошедшее.

Никто не задавался вопросом: счастлив ли хозяин гостеприимных пенатов — это казалось само собой разумеющимся. Если он и претерпел гонения в прошлом, то настоящее все ему возместило.

Сам Михаил Алексеевич был иного мнения на этот счет. Он видел свое счастье в минувшем, когда, закончив шутовскую службу, возвращался к Авдотье Ивановне, срывал парик с потной головы, скидывал пыльный кафтан, и они вдвоем шли париться в ее домовую баньку, и он поддавал пару хлебным квасом.

С годами его меланхолия, не переходившая во что-то болезненное, тягостное для окружающих, стала усиливаться. Однажды Голицын задумался об этом и сделал выводы. Он завел шутов. Кормил и содержал их отменно, но был строговат…»

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕДИМИНОВИЧИ И ВЕЛИКОЕ
КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ 3

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ГОЛИЦЫН ВЕЛИКИЙ 34

КВАСНИК – ШУТ ЕЯ
ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА 36

ПОДЛИННОЕ И ОБСТОЯТЕЛЬНОЕ
ОПИСАНИЕ ЛЕДЯНАГО ДОМА 67

ИМПЕРАТРИЦА АННА ИОАННОВНА,
ПРИДВОРНЫЙ БЫТ И ЗАБАВЫ.....94

ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ.
«АННА ИОАННОВНА».....125

КАМЧАДАЛКА ИЛИ КАЛМЫЧКА?.....138

Сергей ВАХРИН

ПОТОМКИ КНЯЖНЫ - КАМЧАДАЛКИ

Часть первая

СВАДЬБА В ЛЕДЯНОМ ДОМЕ

ООО «Свое издательство»
199053, Санкт-Петербург,
ул. Репина, 41
(812) 900-21-45
isvoe.ru
editor@isvoe.ru
Заказ № 1901
Подписан в печать 03.08.2017
Тираж 100 экз.